ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Выходит с января 2008 года

№ 6 (68)
ИЮНЬ
2013

Лето пришло! Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, г. Владивосток.

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти **святого преподобного Серафима Саровского чудотворца**

Тропарь, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенне вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.

Дорогие друзья!

Если вы готовы помочь нашему изданию регулярно выходить в свет, развиваться и радовать почитателей изящной словесности качественной литературой, если желаете одарённым литераторам найти своего читателя – в ваших силах совершить перевод любой приемлемой для вас суммы на счет «Литературного меридиана».

Номер нашего счета в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Июнь 2013 года

№ 6 (68)

Главный редактор – Владимир КОСТЫЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г.В. БОГДАНОВ, зам. главного редактора, *г. Хабаровск.*
А.К. КАПИТАН, *г. Владивосток.*
Э.В. КОЧЕТКОВА, *г. Владивосток.*
Е.А. КУДРЯВЦЕВ, *г. Владивосток.*
В.Г. СЕРКОВ, *г. Сочи*,
А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, *г. Москва.*

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

И.В. КОНЧАТНЫЙ, *г. Арсеньев.*
В.Г. ХРАМЦОВ, *г. Арсеньев.*
И.И. ШЕПЕТА, *г. Владивосток.*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

И.В. БАНКРАШКОВА, *г. Хабаровск.*
В.В. БОГДАНОВ, *г. Омск.*
Н.А. ЗИНОВЬЕВ, *г. Кореновск.*
Ю.Н. КАБАНКОВ, *г. Владивосток.*
В.Я. КУРБАТОВ, *г. Псков.*
Р.П. ЛЯШЕВА, *г. Москва.*
Г.В. НАЗИМОВ, *Калифорния, США.*
В.В. ПРОТАСОВ, *г. Владивосток.*
В.М. ТЫЦКИХ, *г. Владивосток.*

Арсеньев
2013

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Критические заметки
«Письма литературным девственникам». **Виктор БОГДАНОВ** 3

Отечество
«Когда не стало Родины моей». **Савва ЯМЩИКОВ** 7

Проза
«Ничем не беспокоясь». **Владимир КОСТЫЛЕВ** 13

Поэзия
«Благословенно солнечное утро». **Юрий КАБАНКОВ** 14

Событие
«Литература как послушание». **Андрей ХВАЛИН** 16

Поэзия
«Мечтательница великая». **Марина ЗАЙЦЕВА** 18

Из первых уст
«Диктатура воровства». **Владимир КРУПИН** 20

Поэзия
«Эвтерпе». **Иван ШЕПЕТА** 22

Путеводитель
«Серебро и соль коллекции Дмитрия Мизгулина». **Татьяна БЕРЕЗОВСКАЯ** 24

Истоки
«Духовные основы русского искусства». 28

Проза
«Почти детективная история». **Людмила БЕРЕСТОВА** 30

Проза
«Двое». **Жанна РАЙГОРОДСКАЯ** 33

Поэзия
Стихотворения. **Дмитрий СОСНОВ** 35

Проза
«Искатели счастья». **Анна ШАЙДУРОВА** 36

Сказочный мир
«Оля и Урфин Джюс». **Даниил АЛЕКСЕЕВ** 37

Дорогие друзья!

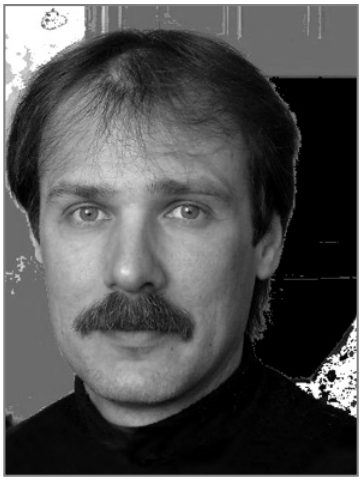
Редакция «Литературного меридиана» приглашает вас оформить подписной абонемент на второе полугодие 2013 года. Подробные условия – на последней странице в каждом номере.

Кроме того, просим вас обратить пристальное внимание на требования к присылаемым произведениям, также опубликованным на с. 39. Просьба вместе с произведениями присылать качественное фото и краткую биографическую справку (и первое, и второе – в электронном виде) по адресу электронной почты: Lm-red@mail.ru.

Не секрет, что наше издание выпускается на пожертвования. Приглашайте ваших друзей, знакомых, коллег стать подписчиками «Литературного меридиана».

Письма литературным девственникам

(Продолжение. Начало – «ЛитМ» № 5(67), 2013 г.)



Виктор БОГДАНОВ

Виктор Всеволодович родился в 1972 году в Омске. Поэт, прозаик, эссеист, публицист, критик. Публиковался в журналах «Арион» (Москва), «Вольный лист» (Омск), «День и ночь» (Красноярск), «Журнал литературной критики и словесности» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Сихотэ-Алинь» (Владивосток), в альманахах «Голоса Сибири» (Кемерово), «Ликбез» (Барнаул), «Складчина» (Омск), в литературных газетах «Литературная Россия» (Москва), «Очарованный странник» (Ярославль) и др. Автор двух сборников стихотворений. Дипломант Всесоюзного поэтического турнира издательства «Молодая гвардия» (1988). Лауреат региональной литературной премии им. Ф.М. Достоевского (2003). Член Союза российских писателей (1996).
Член общественного совета «Литературного меридиана».
Живёт в Омске.

Топтание на месте

Всегда поражает: человек пишет десять лет, двадцать, тридцать… – и вот результат: сочинения престарелого автора – точно такие же, какими они были у него в юности. Не меняется ничего: ни частности письма (лексика, синтаксис, ритмика, композиции и пр.), ни мышление, ни чувства, ни темы, ни общий уровень владения речью. Развития нет. Бесконечное, безнадёжное, занудное топтание на уже утоптанном месте. Честнее было бы бросить это дело. Но нет – не бросает!..

Видя, что повторяюсь, захожу в тупик, я легко переключался на работу в *жанре молчания* и порой годами не писал ни строки. Это давало плоды: после долгого перерыва пишешь если и не принципиально **лучше**, то всё же немного **иначе**.

А другие даже коротких пауз не берут: «*мели, Емеля, твоя неделя*» (вся жизнь). Словно пружину в них на полвека завели – бесперебойный механизм для производства одинаковых текстов. Вечные заложники собственного недуга – графомании. Правда, изредка встречаются среди них и талантливые, однако и они быстро утомляют читателя.

Электронный призрак литературы

Широко распространённое сегодня мнение: «*Скоро совсем не останется ни традиционных журналов, ни книжных издательств. Литература на бумаге изживёт себя, полностью и окончательно перейдя в Интернет*». Высказывающие его любят уверять (себя? мир?), что, мол, процесс этот неотвратим.

Сходным образом думал и Умберто Эко времён «*Открытого произведения*», «*Отсутствующей структуры*» и «*Роли читателя*». Но в дальнейшем он пересмотрел свои взгляды и внёс в них существенные коррективы, вплоть – как пример – до таких: «*В одной из своих предыдущих статей, написанных ещё в прошлом тысячелетии, я отмечал, что в последнее время было сделано несколько открытий в области технологии, представляющих собой настоящий шаг назад […]*», «*[…] Интернет, – в основе которого лежит буквенный способ коммуникации, – уже вернул нас к Галактике Гуттенберга.*» («*Регрессивный прогресс*», 2006). В общем и целом, последние двадцать лет Эко отводил Интернету довольно скромное место в пейзаже постиндустриального бытия. Будь он русским, его суждения стали бы, вероятно, ещё пронзительнее и жёстче.

Не знаю, писал ли об этом Эко, но хочу заострить внимание на следующем неопровержимом факте. Даже с точки зрения материальной, вопреки смехотворной убеждённости «прогрессивного» большинства, подобно попугаям повторяющего придуманные для него убогие штампы, книга куда самодостаточней, независимей, ёмче и – в конечном итоге – долговечней компьютера и современных электронно-цифровых носителей (хоть вышедшей из употребления дискеты, хоть лазерного компакт-диска, хоть «флешки», хоть и чего-то иного – грядущего). Книга, как известно, может дойти до нас в приемлемом для

чтения состоянии чуть ли не через несколько столетий, а иногда и тысячелетий. А весь хвалёный Монблан информационных богатств (в кавычках и без), переведённый «в цифру», грозит рухнуть – частично, а то и целиком, – в любое мгновенье, причём – невосстановимо. И многие уже неоднократно убедились в чрезвычайной ненадёжности липовых «чудес» техники на собственном горьком опыте. Книга, повторюсь, на порядок устойчивей, автономней и жизнеспособней электронного текста, чьё – видимое глазом – существование, по меньшей мере, обусловлено наличием и исправностью транслирующей аппаратуры и присутствием электричества в розетке или аккумуляторе. Поэтому словесность, да и вообще культура, «*изжившая себя на бумаге*», будет обречена на положение зыбкого фантома, призрака, навсегда исчезающего от первого внушительного «дуновения» извне. Что, на мой взгляд, равнозначно её концу, смерти.

Дар и паразиты в XXI веке

На всякий – и самый скромный – дар в теперешнем мире направлены щупальца, жала и хоботки множества паразитов. А ведь в прошлом жирующих на таланте ближнего было всё-таки меньше. Причина сему единственная, и, при неспешном суде, лежит не в сфере морали и/или демографии: степень доступности таланта посторонним предельно повысилась.

Единственный способ бытия власти

Помпезная ложь – всегда и во всём, по любому поводу – это, наверно, единственный способ бытия власти как таковой.

«Русскоязычный» вариант международной фени

Чрезмерное количество всевозможных ошибок в опубликованных литературных текстах XXI века подтверждает простую мысль: в постиндустриальном демократическом обществе **ни одно** направление или индивидуальное явление текущей литературы уже не может служить людям ни лингвистическим образцом, ни художественным идеалом, ни духовным или национальным ориентиром. «*Современная русская литература*», говорите?.. Гомерический хохот. Скорее: «русскоязычный» вариант международной позитивистской фени. О том, что кое-где номинально, по инерции остающийся при нём институт «редакторов», «корректоров», «редколлегий» – давным-давно одна пустая вывеска, идёт ли речь об известных столичных и всероссийских журналах или же о захудалых провинциальных сборничках, даже и упоминать как о самоочевидном не ст***о***ит.

Скудоумие ворья

Чужие произведения сегодня пытаются выдать за свои все, кому не лень. Но как же, бывает, топорно действуют эти мазурики! У меня в Интернете украли несколько рассказов, первоначально обнародованных в традиционных изданиях. Украли, как говорится, «от и до». То бишь механически скопировали, заменив имя автора, но оставив сопроводительные ссылки на бумажные публикации! Вот где пир скудоумия!..

«Эротика» литературного процесса

Для работы над одним эссе мне в своё время пришлось довольно подробно знакомиться с образцами так называемой «*массовой эротической видеопродукции*» (это то, что разрешено производить и продавать). Основное условие изготовления сего товара: в кадре не должны появляться гениталии. Женщины в этих фильмах, как правило, предстают зрителю особями чрезвычайно возбуждёнными и демонстрируют широкий спектр соответствующих ситуации мимики, жестов, звуков. Мужчины – тоже пылки, динамичны, напористы и т. д. Однако при внимательном просмотре упомянутых действ от случая к случаю сталкиваешься с неожиданностями. Халтурная поспешность монтажа или ошибка оператора приоткрывают тебе смешную и жалкую изнанку происходящего. И ты можешь увидеть, что мускулистые, потные «*воплощения мужественности и страсти*»… как бы поделикатней выразиться?.. на самом деле физиологически (и, скорее всего, психологически) совершенно инертны, равно как – приходит вслед за этим открытием логичная мысль – и объекты их «вожделений». Перед смотрящим – всего лишь актёры, имитаторы, понарошку разыгрывающие заданный им сценарий, иначе говоря – туфта, дешёвое представление, плутовство.

Таков преимущественно и нынешний литературный процесс в провинции (да и в столицах): все эти напыщенно-импотентские, окутанные прекраснодушными витийствами «проекты», пафосные выступления, лучезарные издания, мишурные сходки… Фасад – эффектный, но всё, что за ним, суть – здорового человека отвращает.

Ничего удивительного! Ведь и почти всё наше общество теперь – общество стремящихся казаться, слыть, «звучать», а не быть. Общество тотального **«как бы»**. Общество всеобъемлющего обмана и – что намного страшнее! – самообмана.

Нравственность художника

Доброта, нравственность художника – во внимательном, честном взгляде на мир во всех его многоразличных проявлениях, а не в построении неких «правильных» структур бытия и не в вынесении вердиктов «неправильным».

Модернизм как ругательство

По наивности написал в статье «*Гомеров не видать*» («*Литературная Россия*», № 15 от 15 апреля 2011 г.) следующее: «*Очень странно, но даже самое*

мощное и эстетически универсальное явление в литературе XX века, а именно модернизм, русскими литераторами совершенно не прочитано, не понято и не принято к сведению». Куда там! Дело ещё хуже: оказывается, для некоторых сочинителей, да не простых, а с учёными званиями, **модернизм** и по сей день – не феномен культуры, а, как было в советском литературоведении, **ругательство, ярлык**. И этот ярлык по своему невежеству они вешают на тех, кто пишет сегодня и никакого отношения к модернизму, по большому счёту, не имеет.

Узнал я об этом из реплик омского автора Х. на с***а***мом демократичном литературном сайте России. И сдуру затеял с ним «полемику» – объяснил, как сумел, что такое модернизм, помянул добрым словом великих писателей-модернистов: Пруста, Кафку, Вирджинию Вулф, Фолкнера, Камю, Андрея Платонова… Но не оценил ни одно из этих имён уважаемый профессор, заслуженный деятель культуры РФ, директор литературного музея. Дал понять, что собственное реноме (какое? ортодоксального расклейщика нелепых ярлыков?) ему важней и дороже каких-то там Платоновых… Вот так мы и **пришли прогрессивной поступью к жизни в пещере XXI века**.

Поэты советской эпохи

В советскую эпоху вызрело много разных поэтов, ни в коем случае не сводимых к соцреализму. Но и принципиально вывести их за рамки соцреализма (как модно делать сейчас), не сузив, не извратив, – невозможно, да и не нужно.

Ответ на публичный упрёк

В отличие от большинства окололитературных невежд (как старых, так и молодых), я никогда не козыряю в своих выступлениях – письменных и устных – именами писателей, с творчеством которых не знаком или знаком поверхностно.

А раньше таких в печать не пускали...

У некоторых из них, как минимум, есть те или иные способности, годные **и** для литературы. Но трезвости, самокритичности, дисциплины, знаний – нет почти ни у кого. Удивительно: часто и широко публикующиеся авторы вязнут в скудных словах, как в болоте, плутают в них, словно в трёх соснах. Не то что выразиться не могут, а, видимо, даже и не понимают, что сказать-то хотят. Зато сколько амбиций! И эти двоечники, не ведающие правил родного языка, не умеющие складно повторить самые обыденные мысли, называют друг друга писателями!..

Про Фому и Ерёму

Меня изумляет талант значительного числа литераторов рассуждать про Фому, когда речь идёт о Ерёме. О чём ни напиши, если их задело, реакция единственная: «*косят под дурачков*». И ведь никогда не промолчат из-за отсутствия аргументов! Обязательно что-нибудь ляпнут. Из другой оперы.

Этим писатели разительно похожи на чиновников. Иногда мне кажется, что среднестатистический чинуша и среднестатистический литератор – один и тот же типаж.

Не слишком *странные сближенья*

Забавно на первый взгляд: русский традиционалист, почвенник Юрий Перминов и протеже постмодерниста Павича Горан Петрович вместе получили премию («*Югра*», 2010 г.), да ещё и в Ханты-Мансийске вручаемую. Но если поразмыслить: что Павич, что Г. Петрович – писатели, по-моему, этнографические, потому сегодня и раздутые в унифицированном мире.

В защиту «общих фраз»

В связи со статьёй о современном литературном процессе («*Гомеров не видать*»), опубликованной «*Литературной Россией*», упрекали меня в обобщениях, в отсутствии примеров, «конкретики», как теперь любят выражаться. В очередном номере «*ЛР*» (№ 18 – 19 от 13 мая 2011 г.) напечатан отклик («*А воз и ныне там?..*») ставропольского писателя Игоря Касько, солидарного с большинством тезисов моей работы: на примере литературной жизни Ставрополья Касько наглядно иллюстрирует «общие фразы» вашего покорного слуги. Власть, к которой, как повелось, взывали пишущие, услышала их: учредила журнал, премию, выделила помещение и т. д. Но, констатирует И. Касько, ничего в местной литературе принципиально не изменилось. Да и не могло измениться. Ибо меняться должны мы сами. Других путей для высокой словесности нет. Что и требовалось доказать.

Главное о провинциальных литераторах

Главное о провинциальных литераторах я понял: все они, за редчайшими исключениями, мастера выискивать «блох» в чужих «шевелюрах», при этом их собственные – буквально кишат теми же существами. И ладно бы «моськи» лаяли на «слонов» – или «слоны» трубили на «мосек»! Нет, тут зверьки (опять же – за несколькими вычетами) одной породы, имя которой – провинциальный писатель.

«Бренд Омска»

«Бренд Омска – Достоевский.» Звучит жутко, но ведь – правда! Музей имени Достоевского, премия имени Достоевского, теперь ещё – университет имени Достоевского… Скоро, видимо, всё у нас будет «*имени Достоевского*»! И представителям омской интеллигенции, литературы, науки невдомёк, что в искусстве есть такое сугубо негативное понятие: штамп. Им не стыдно дышать и служить под штампом «*имени*

Достоевского»! Ни один из них, насколько мне известно, не возвысил против этого голос. Я живу в с***а***мом центре Омска: хожу и буквально спотыкаюсь, как в буреломе, о памятники и таблички, посвящённые Фёдору Михайловичу. И воображаю, как великий писатель, на Небесах, презирает вечно каторжный по духу городок, в котором толком не знают (и не желают знать!) его сочинений, но на всех углах потрясают его именем точно модной «гламурной» побрякушкой.

Достоевский и декабристы

Достоевский и декабристы, коих любят сближать по внешним, биографическим признакам – явления, на мой взгляд, несопоставимые, да и разнонаправленные к тому же. Достоевский – и как писатель, и как мыслитель, да в любой из своих ипостасей, – несоизмеримо крупнее всех декабристов, взятых вместе. А традиция разговоров о каком-то особом «кресте» декабристов – политическая, советская.

Кто такой Марк Аврелий?

Пришёл я однажды в наш СП и – себе на беду – зачем-то заговорил о Марке Аврелии. Воцарилось гробовое молчание. Потом, чуть ли не хором, меня спросили: «*А этот Марк – он кто?..*». Я потерял дар речи. Думаю, этим случаем всё сказано о провинциальных литературных кругах современной России.

Самая длинная вещь на свете

Жизнь – невероятно длинная штука, самая длинная вещь на свете. Поэтому в ней можно успеть претворить, почувствовать, помыслить, принять и даровать удивительно много. То есть, перефразируя Библию: на одном пути пройти несколько поприщ.

Абсолютно безбожные

Вопреки глупому формализму статистики, несмотря на переполненные церковные приходы и укомплектованные секты, кругом – абсолютно безбожные, в массе, люди. «Вычислить» их довольно просто. Их безбожие нечаянно и – потому – красноречиво проявляется в быту, в мелочах повседневья, в мимоходом брошенных ими по обыденным поводам фразах. Они не понимают, сколь ни живут, даже такой очевидной истины: своей жизнью, может быть, в какой-то (ничтожно малой!) мере и управляет сам человек, но вот наше рождение и наша смерть – исключительно в руках Господа Бога. Все они по-прежнему думают, что могут на что-то влиять, что они что-то «познали» и «позн***а***ют» ещё больше... В общем: *«мы – венец природы»*. Мне страшно рядом с ними. Страшно, скучно и грустно. Но куда от них денешься? Они – вечные дети позитивизма, **жители пещеры прогресса**. Их – **подавляющее большинство, 99 процентов.**

«Ущербные»

Одна пожилая писательница (мать, бабушка) когда-то твёрдо заявила мне, что раз у меня нет детей, то и сам я, и сочинения мои – ущербны, неполноценны. Во как! Не на шутку огорошенный, я принялся лихорадочно вспоминать имена бездетных классиков мировой литературы. Через минуту я облегчённо хохотал.

Елене Зейферт – о Георгии Гачеве

Как хорошо, Елена, Вы и цитируемые Вами (речь идёт о репортаже Е. Зейферт «Вечер памяти Георгия Гачева», в котором она повествует о прошедшем в ЦДЛ вечере, посвящённом 80-летию учёного. – В.Б.) сказали о Гачеве – открытом, утончённом, живом, полифоничном человеке и оригинальном, умном и сердечном одновременно, писателе. Жаль, что его известность всё-таки была и остаётся до сих пор – незаслуженно ограниченной, на мой взгляд. Пусть эта Ваша работа прибавит мастеру чутких читателей, которых его творчество очарует, как, лет уже 20 тому, оно очаровало меня. Гачев целебен, просторен и плодотворен – и для души, и для ума. И Ваши слова о нём тоже меня согрели, отразив таким образом частицу его духа.

Особенно дорого мне в Гачеве вот что (в нескольких местах репортажа Вы говорите об этом по-своему): он не был ханжой, не был лицемером. Очень часто писал и публиковал предельно откровенное и сокровенное. В том числе – о себе самом, о Светлане Григорьевне (С. Г. Семёнова – супруга Георгия Гачева. – В.Б.), о детях. И это не коробило меня. Может быть, есть в нём что-то от Розанова. Надеюсь, его талант, его личность, его имя и репутация в какой-то степени спасали его от праведного гнева «собратьев» по перу, готовых, как известно, заживо съесть любого, кто не соответствует их собственным канонам и понятиям о «приличиях».

Упоминаемый Вами Игорь Петрович Золотусский когда-то говорил мне о том, как он завидует нашему поколению: завидует потому, что все богатства русской и мировой культуры открылись нам вовремя, в молодости, – им же, старшим, многое пришлось добирать с большим запозданием. Да, и среди этих богатств для меня, юноши, уже были и книги Гачева. Он поразил меня свободой и необычностью письма (одни только придуманные Георгием Дмитриевичем неологизмы стоят целого исследования!), свободой мышления, свободой зоркого вглядывания в мир и в себя. Поразил на всю жизнь. И самое отрадное: Гачев не изменил себе – ни под действием внешних сил, ни под гнётом возраста, что встречается крайне редко.

(Продолжение следует.)

Савва Васильевич Ямщиков (8 октября 1938 года — 19 июля 2009 года) – известный русский реставратор, историк искусства, публицист.
Савва Васильевич возродил сотни произведений иконописи, уникальные собрания русских портретов XVIII–XIX вв. из различных музеев России, вернув тем самым многие забытые имена замечательных художников.
С.В. Ямщиков – автор многочисленных научных трудов, книг, альбомов, каталогов о русском искусстве.

Фото неизвестного автора.

Когда не стало Родины моей...

От редакции. *Мы продолжаем публикацию отдельных глав из книги С. Ямщикова «Когда не стало Родины моей» (М.: Алгоритм, 2010.).*

«ОСТОРОЖНО, ПРАВОСЛАВИЕ»?

Революционные потрясения, в начале прошлого века ввергшие Россию в пучину всеобщего разрушения, уничтожения исторической памяти и физического истребления нации, сопровождались жесточайшим террором по отношению к Православию – основе основ существования русского государства, стержню повседневной жизни всех слоев населения, первоисточнику духовности, культурной зрелости и гармоничного развития человеческой личности. Не стану перечислять все зверства большевиков, по указанию безжалостных главарей сносивших с лица земли тысячи храмов и монастырей, возами сжигавших иконы под пение «Интернационала», живыми закапывавших в землю священников и членов их семей. Семьдесят лет продолжалось царствование сатаны в стране-хранительнице основ христианской веры и духовного подвижничества. Но Бог поругаем не бывает. В тяжелейших условиях сохранили нерушимую в Него

Домик в Архиповке. Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, г. Владивосток.

веру не только духовные пастыри, но и прихожане русских церквей. Когда на СССР обрушилась страшная беда – кровопролитная война с фашистскими ордами, партийный и государственный вождь Сталин в самом ее начале обратился к народу по-церковному: «Братья и сестры!» – всячески привечал духовенство, подобно великим русским полководцам, искал помощи у чудотворных икон, а тост победный провозгласил «за великий русский народ» – народ верующий и законопослушный.

После смерти вождя сводивший с ним счеты разгулявшийся на радостях Хрущев припомнил начальнику эти отступления от партийной линии и обрушил шальной свой гнев на Русскую Церковь, позакрывал и без того поредевшие храмы, поиздевался вдоволь над истинными ревнителями Православия. Но и это миновало.

Грянула перестройка, а с ней и варварское разрушение страны. Впопыхах разваливая державу, сначала Горбачев, а потом и Ельцин с опричниками, согласно принципу «после нас хоть потоп», сняли с Русской Церкви внешние атеистические оковы и разрешили возвратить принадлежавшее ей имущество, хотя и осталось непорушенным совсем немного. Радость пришла в сердца тех, кто хранил веру и мог теперь без страха ходить в церковь, осенять себя крестным знамением, не боясь увольнения с работы.

Внешний консенсус между Московской Патриархией и руководством обезглавленной страны не исключил действия прежних политических принципов и безжалостных рычагов продолжающейся большевистской революции. Безграмотные выкормыши партийной и комсомольской номенклатуры, вооруженные бутафорскими подсвечниками, не согласуясь с мнением церковного единоначалия, а лишь по прихоти Ельцина и Собчака, показно захоронили в Петербурге неопознанные останки царской семьи. «Демократические» академики, писатели вместе с комсомольцами, прихватизировавшими СМИ, радостно прокричали «одобрям-с». И вот сейчас, когда страна страдает от локальных войн, повсеместного терроризма, заказных убийств, от расхитителей народного имущества, за что-то названных олигархами (не путать с добросовестными предпринимателями), как никогда мы нуждаемся в поддержке христианской морали, в мудрых духовниках и церковных наставниках. И они есть – те, кто может помочь выбраться России из ямы, вырытой внутренними и внешними супостатами. Но посмотрите, как их боятся рывшие эту яму! Особенно усердствуют в борьбе против Церкви закупленные на корню журналисты, нечистоплотные политики, потерявшие стыд и совесть писатели и ученые. Обращусь к трем наиболее непримиримым врагам Православия – религии страны, в которой они зарабатывают деньги, растят детей и пользуются немалыми привилегиями.

Наиглавнейший телеакадемик г-н Познер в насквозь заангажированном обозрении «Времена» и на страницах газет яростно клеймит Православие, называя его главной бедой для России. Другой «демократ»-правозащитник, г-н Ковалев, отстаивавший лишь своих единомышленников, чеченских отморозков и завравшихся журналистов, с пеной у рта ратует за запрет Православия. Нобелевский лауреат г-н Гинзбург на всех телеканалах вопит: «Уберите слово "Бог" из российского гимна, я не хочу жить в этой стране под гнетом Православия». А ведь мы знаем многих нобелистов, и не одного академика Павлова, которые были верующими людьми, что не мешало им в науке и творчестве достигать подлинных высот. Конституции почти всех западных стран, которые берут за образец демократии господа атеисты, начинаются со слова «Бог», да и зеленые купюры, высоко ими ценимые, украшены этим ненавистным для них именем.

Уверен, что господа эти не знают, а точнее, не хотят знать историю Государства Российского. Напомню им лишь о нескольких ее победных свершениях, случившихся под православными знаменами.

Это православные в 1242 году разгромили полчища тевтонских и ливонских рыцарей. Разгромили во главе с князем Александром Невским, причисленным к лику святых и в конце жизни принявшим схиму. А уж арийские принципы побежденных им захватчиков навряд ли по душе моим оппонентам. Это православные ценой собственных жизней и порушенных городов, проявив себя тончайшими дипломатами, закрыли татаро-монгольским всадникам дорогу на Запад. Пройди они туда – и недосчиталась бы Европа Леонардо да Винчи и Микеланджело, Петрарки и Шекспира. Правда, не произошла бы и кровавая Французская революция, ставшая прообразом для всех наших разрушителей государственности и Православия. Это православные в 1612 году смогли победить самозваную смуту, страшнее которой разве что нынешние времена. Это православные в битве под Полтавой указали Карлу XII обратную дорогу домой. Это православные в 1812 году, помолившись вместе с Кутузовым иконе смоленской Богоматери, одолели завоевателя, перед которым полмира склонило колени.

Это православные силами своих верных сынов свернули шею тем самым фашистам, на которых вы шлете проклятия за холокост, а единомышленник ваш и бывший министр г-н Швыдкой предпочитает тот фашизм несуществующему русскому. Несуществующему, не существовавшему и не могущему существовать в стране православной.

Давайте же одумаемся, господа, и прекратим пустопорожние прения о правомочности преподавания в русских школах «основ православной культуры». Никто не заставляет ходить на эти уроки ваших детей и внуков. Но не обкрадывайте наших наследников, как это делали ваши отцы и деды, лишив нацию знания основ подлинной истории культуры, ибо без веры и религии она изначально не может существовать.

Сделать это не поздно, господа!

ОН ВО КАКОВ ДЛЯ ПРОСТАКОВ, НО ЗНАЕМ МЫ – ОН КАБАКОВ

Русскому человеку вообще, а художникам, зодчим, писателям и музыкантам особенно, свойственно уважительное отношение к истории, обычаям и культуре западных и восточных соседей. Россия недаром в последнее время именуется очагом евразийства. И это прекрасно, если только не брать во внимание кривляния и передергивания по этому поводу со стороны суетливых, а иногда и откровенно нечистоплотных средств массовой информации, на корню присвоенных ловкими махинаторами «а-ля Березовский и Гусинский», внедрившими в жизнь лозунг полупьяного хозяина России: «Берите, сколько сможете!»

Как много дало взаимное общение русских иконописцев с мастерами итальянскими, сербскими, болгарскими, а уж столпам византийского искусства мы обязаны если не всем, то многим. Когда псевдопатриоты обвиняют некоторых моих единомышленников и меня в приверженности чужеземным влияниям на нашу культуру, я обычно отвечаю: «А вы сломайте кремлевские церкви, ведь их строили фрязины с Фиораванти во главе!» Не знают они, видимо, что великого итальянского зодчего пригласили тогдашние правители Московии, но прежде чем начать строительство Успенского собора, отправили его во владимиро-суздальские земли поучиться у старых русских зодчих, создавших в XII веке такие жемчужины, как храм Покрова на Нерли, Успенский и Дмитриевский соборы, Георгиевскую церковь в Юрьеве-Польском. И какой блистательный результат дало такое сотрудничество – веками радует изяществом своих форм, внутренней мощью и симфонизмом архитектурных слагаемых кремлевское чудо, сотворенное итальянцем на русский лад! Таких примеров бесконечное множество: один Петербург – русская столица, в строительстве которой сошлись таланты Воронихина и Растрелли, Росси и Стасова, Кваренги и Монферрана, – дорогого стоит. Интернационализм русского искусства способствовал процветанию дара Левицкого и Брюллова, Пушкина и Тютчева, Баженова и Казакова, Мусоргского и Чайковского, Блока и Цветаевой, Серова и Чехова. И когда нас сейчас пытаются обвинить во вторичности русского искусства и в квасном патриотизме, хочется крикнуть: «А вы посмотрите, почитайте, послушайте, поизучайте!» И совсем непотребны печатные и электронные средства все той же «родной» массовой информации, наперебой хулящие, поносящие, изничтожающие и наследие наше богатейшее, и любое классическое проявление современных служителей прекрасного.

Сколько оскорбительных слов в адрес талантливого советского художника Виктора Попкова (особенно досталось лучшей его картине «Шинель отца») произнесла некая г-жа Кабанова из «Известий»; какие ушаты грязи вылил на драгоценное наследие Аркадия Пластова откровенный русофоб г-н Ревзин из «Коммерсанта»! И все ведь сходит им с рук! Зато как усердно превозносят они выдаваемые за прогресс

проявления отморозков, рубящих иконы в Манеже, пожирающих кондитерский «труп» Ленина в галерее Марата Гельмана, плюющих в святая святых – веру человека в Бога – на выставке «Осторожно, религия!», совсем не случайно благословленную к показу в музее А. Сахарова его вдовой Е. Боннэр.

Зато как та же г-жа Кабанова сомлела от того, что прикоснулась она на выставке в Германии к обшлагу пиджака «самого Кабакова»! Ту выставку воспели все газеты, кроме, разумеется, патриотических «прибежищ для негодяев».

Приезда Кабакова в Россию услужливые донельзя музейщики и славильщики из СМИ ждали, словно возвращались, скажем, Бунин или Шаляпин. И когда он приехал, буквально задохнулись от восторга. «Приезд Кабакова на открытие эрмитажной выставки стал не просто сенсацией – он говорит о том, что кончилась эпоха... счеты сведены, пришли другие времена... Кабаков – отец-основатель московского концептуализма, главного художественного брэнда России второй половины XX века». Умри, лучше не скажешь, чем написавшая эти строки в «Коммерсанте» г-жа Матвеева. И будто не было во второй половине двадцатого века Лактионова и Комова, Жилинского и Нестеровой, Краснопевцева и Зверева, Пластова и Немухина, Коржева и Свешникова, Харитонова и Попкова, Шварцмана и Виктора Иванова.

Со всей уверенностью и совсем немалой посвященностью в основы изобразительного искусства скажу, что Кабаков – искусственно раздутое имя. Концептуализм у него коммунальный и к прекрасному он глух, как и покинувший Россию вместе с ним г-н Купер. И недаром еще один изгой – талантливый мастер Борис Заборов с присущей ему скромностью дал недавно трезвую оценку горе-концептуалистам. Огромные деньги тратит «Фонд Гугенхайма» и другие хорошо финансируемые пропагандистские центры на таких вот кабаковых! Одних роскошных банкетов в Петербурге хозяйка «Стелла арт Гэлери» Стелла Кей и гугенхаимовец Ник Ильин (что бы сказал его отец – известный философ русского зарубежья, автор дивной книги о святом Серафиме Саровском!) закатили немерено. «Заводилой» камерных застолий выступал Михаил Швыдкой, был там и Зураб Церетели, поспешивший купить одну из инсталляций.

Но самое страшное, что две работы Кабакова – «в шкафу» и «Туалет в углу» – останутся в Эрмитаже навсегда. Они, по словам директора г-на Пиотровского, «станут жить там постоянно и во многом определят, каким будет эрмитажный «Музей искусства XX века». Приехали! Мало г-ну Пиотровскому сомнительного «Черного квадрата» Малевича, за который г-н Потанин отвалил миллион долларов, украденных у рабочих, учителей и тех же музейщиков! Подавай и очередного иностранца – «Кабакова – «Рюсь из города Тамбова».

Я обвиняю г-на Пиотровского в том, что, приобретая для Эрмитажа сомнительные поделки, он умудрился без государственного разрешения отдать Швыдкому «Бременскую коллекцию» для преступной переправки ее в Германию. А ведь в свое время мы с тогдашним министром культуры СССР Николаем Губенко переправили ценное собрание в Эрмитаж, дабы спасти его от чрезмерно разгулявшегося ее «хозяина» г-на Балдина. К этому обвинению присоединяю и протест против незаконного возврата в Германию 114 ценнейших витражей из Мариенкирхе (XIV век) в обмен на совсем крошечные немецкие компенсации. И если скажете вы, г-н Пиотровский, что получили от немцев деньги на восстановление новгородской Успенской церкви с. Волотова, то покажу я вам межгосударственный договор России и Германии о том, что только за Бременскую коллекцию немцы обязуются нам восстановить семь новгородских храмов и укомплектовать разворованный фашистами здешний музей.

Так не пора ли одуматься, господа кабаковцы и гугенхаймовцы? Ведь еще не поздно.

КУКУШКИ И ПЕТУХИ

С самых первых шагов так называемой либерализации многострадального нашего Отечества любому здравомыслящему человеку было ясно, что агония перестройки, ее последователей и апологетов далеко не за горами. Но мало кто мог представить тогда уродливые, фантастически кошмарные проявления этой самой агонии. Разве можно было даже подумать о появлении на страницах главной газеты «свободного» рынка, к каковым безусловно относит себя «Коммерсант», юбилейного панегирика Борису Немцову от его подельника Альфреда Коха. В форме, напоминающей стихи, привлекавшийся уже однажды к суду за писательство и грабительство, Кох сумел так грязно и непристойно материться, что любой биндюжник должен отдыхать. Бедные «Файнэншл, Нью-Йорк и Лос-Анджелес таймсы», смотрите, какого чудо-ребенка выпестовали. Ведь именно на ваши солидные органы держит равнение доморощенный «Коммерсант». А где же закон, привлекающий к ответственности за публичные сквернословие и оскорбление невинных читателей? Где средства массовой информации, обязанные следить за нравственностью современников, чистотой морали, соблюдением норм русского языка? Да там же, где Кох и Борис Немцов. Они такие же кукушки и петухи, как их хозяева, герои, советчики и пособники. Сколько лет два этих надменных, издевающихся над Россией циника мозолили глаза телевизионным налогоплательщикам!

Появление хулиганского пасквиля в «Коммерсанте» я приравниваю по своей вседозволенности и распущенности к последней церемонии – а скорее шабашу – вручения очередных ТЭФИ-статуэток. Те, кто не заснул в ту ночь «прямой» трансляции удручающего действа, поняли, что дальше ехать некуда.

Откровенно эпатажное издевательство над государственной политикой, проводимой президентом, стало особенно возмутительным, ибо проходило в то время, когда не минуло еще и сорока дней со дня бесланской трагедии. Когда вручались призы якобы обиженным властью «героям» типа Шустера и

Парфенова, жалко было, что среди основной массы назвавших самих себя телеакадемиками есть и люди, никогда и ничем не запятнавшие своей совести за годы служения музе телевидения. Но их так мало, а слабые голоса их неслышны в могучем реве отвязанных, заангажированных наших «просветителей».

Я уже слышал в 1991 году в концертной студии Останкино этот рев. Не скрывая своей радости, дорвавшиеся до богатой телекормушки, нынешние академики кричали: «Мы победили, ура!», а из-за стола президиума за ними удовлетворенно наблюдал неистовый борец с марксизмом-ленинизмом, вечный агитпроповец Егор Яковлев, поддержанный своим цековским однофамильцем – ярославским двурушником.

Задаю себе постоянно вопрос: «Неужели всем этим петухам и кукушкам в течение десяти уже лет не надоело награждать себя любимых? Ведь все они получили высшее образование, читают книги, смотрят старые добрые фильмы, вспоминают родительские заветы».

Но учитывая, сколько за эти десять лет вылито ими заведомой лжи, сколько высказано слов нелюбви к Родине, сколько опозорено и осквернено истинных патриотов и подлинных умов государственных, получаю однозначный ответ: стыд для этих людей – имя несуществительное. Как с годами менялись лица лгунов и телесирен, обслуживающих березовских, гусинских, чубайсов и гайдаров. Только человек с железной психикой и черствой душой мог не лишиться разума, слушая вранье Киселева, Сорокиной, Сванидзе, Парфенова, Шустера, Швыдкого и иже с ними. Белыми нитками были шиты аргументы и факты, преподносимые телезрителю постоянно приглашаемыми ими в свои шоу хакамадами, альбацами, ясиными (с дочками), шахраями и прочими шумейками с доренками. Чем хуже было России и ее жителям, тем страшнее становились публичные посиделки, тем безответственнее их болтовня. Реальный Шендерович и виртуальные Хрюн и Степан откровенно издевались над самим словом «русский», позорили нашу и без того униженную армию, славословили любого нашего врага, будь он родом с Запада или Востока. Не создав ни одного пристойного фильма, не порадовав зрителя хорошим сериалом, отдали они эфир на растерзание донельзя опущенным дельцам от шоу-бизнеса и смехопанорам. А у тех лексика недалеко ушла от коховской; музыка и тексты песен показались бы непристойными и динозаврам, а юмор может вызвать смех лишь у безнадежно зазомбированных особей.

Не телеакадемикам, ибо они все равно не поймут, а «если поймут, не ответят», а тебе, читатель, да и себе самому задаю я вопрос: почему такая высокопрофессиональная, глубоко человечная и озабоченная жгучими проблемами современности передача, как «Постскриптум», даже не была номинирована на душераздирающую статуэтку? Думаю, что ее ведущему Алексею Пушкову наплевать на решение своих сплоченных у жирного пирога коллег. Пойдите попробуйте сравняться с «Постскриптумом», господа телерулящие всевозможных шоу! Не выйдет.

В дни, когда вся страна со слезами на глазах переживала гибель «Курска», главный телеакадемик В. Познер публично назвал выпуск «Времен», посвященный этой трагедии, большой своей удачей. Известный поэт Евгений Нефедов откликнулся тогда на этот цинизм скорбным стихотворением:

...Хваля себя, телетрепач
Сюжет о страшной русской гибели
Отнес к числу телеудач...
Лафа, ребята!
Пусть изводятся
Под корень люди и страна
Вам, перевертыши,
как водится,
Что ни война – то мать родна...
И не успеете обвыкнуться,
Везенье празднуя свое,
Удача так всем вам
откликнется,
Что лучше б не было ее!

Не могу обратиться к «кукушкам и петухам» от телевидения с призывом «Давайте одумаемся». Они все, что могли совершить, уже совершили и теперь агонизируют.

Хочу сказать телезрителям и руководителям государства: «Давайте одумаемся!» И сделаем телевидение наше гуманным, помогающим жить и вселять надежду в усталые сердца и добрые души. Еще не поздно, господа!

ОБ ИГРАЮЩИХ, ПРАЗДНО БОЛТАЮЩИХ

Помню по сей день, как меня – дитя войны – поразила сцена пьяного застолья спекулянтов в любимом фильме «Летят журавли». Ужаснулся я, узнав в свое время, что в блокадном Ленинграде, на улицах которого лежали неубранные трупы, предприимчивые проходимцы ели икру, пили дорогие вина и даже, пользуясь страшным событием, умудрялись собирать художественные коллекции. И как же быстро люди привыкают к таким проявлениям бесшабашной нечистоплотности, когда на виду у всей России, ввергнутой в уже не первый год длящуюся вялотекущую войну со страшными, кровавыми терактами, нападениями на города, больницы и театры, нахапавшие немереные народные богатства бессовестные «счастливчики» не устают участвовать в постоянных раутах, презентациях, вернисажах, бесчисленных фестивалях, свадьбах, юбилеях, и несть конца этим модным тусовкам.

Какое омерзительное впечатление производят на обыкновенных людей похотливо отсмакованные отчеты о так называемой светской жизни Москвы и Петербурга, да и наиболее шустрые провинциальные писаки стараются не отставать от столичных гурманов. Неужели не стыдно героям светской хроники и обслуживающим их журналистам описывать ломящиеся от редкой снеди и дорогих напитков столы, когда

даже с экранов пролживленного нашего телевидения постоянно просачиваются сюжеты о голодающих учителях, врачах, научных работниках и доведенных до отчаяния шахтерах и металлургах. Поразительно, но без пьянки и обжорных столов не обходится ни одно событие, даже самое скромное. Мне посчастливилось в своей жизни организовывать и открывать десятки и сотни художественных выставок. Но разве думали мы, готовясь к торжественному событию, о каком-то богатом банкете, на котором сразу забывают и о самой выставке, и о художниках, и об устроителях. Нынче же постоянно действующие орды вернисажистов кочуют из одного зала в другой, из музея в галерею, спеша не пропустить ни одного сопутствующего выставке фуршета или застолья, и похваляются потом друг перед другом «победами», одержанными на поле тусовочной брани.

Однажды я поймал себя на мысли, что газетная светская хроника, славящая «играющих и празднично болтающих», не переставала появляться на газетных полосах ни в дни трагедии Буденновска, ни в тревожные часы, когда все люди с надеждой и трепетом ожидали чудесного спасения затонувшего «Курска», ни тогда, когда слезы отчаяния душили наблюдавших за зверствами террористов на Дубровке и в Беслане. А в дни взрывов на Пушкинской площади, у «Националя», у метро «Рижская» по телевидению показывали бесконечные шоу, смехопанорамы Жванецкого и Петросяна; комментаторы продолжали поливать грязью Лукашенко, забыв, что Белоруссия и Россия – исторически сложившееся целое.

В «пире во время чумы», согласно газетным отчетам, участвуют одни и те же персонажи: банкиры, доморощенные олигархи, намозолившие глаза актеры, режиссеры, кутюрье, спавшие с голоса певцы, давно забывшие о стыде и приличии писатели, ушедшие в бизнес спортсмены, бывшие спецслужащие с холодными руками и горячим сердцем. Прочитав очередные колонки о ночных загулах нашей самозваной элиты, только под утро возвращающейся на Рублевку или в баснословно дорогие новостройки, невольно задаешься вопросом: а когда все эти движущие силы нашего общества трудятся на благо отечества? В свое время один из представителей богатейшей русской семьи Рябушинских позволил себе уйти в бесшабашный загул, понастроил роскошные виллы и дворцы, где устраивал оргии. Недолго продолжалась такая жизнь, ибо родители и братья строго пригрозили ему банкротством, и ретивое чадо вынуждено было поумерить свой пыл. И если продолжать экскурс в славную русскую историю, то невольно подумаешь, а могли ли так вести себя, как нынешние неунывающие богатеи, братья Третьяковы, Бахрушины, Щукины? Нет, не могли! Они ведь думали прежде всего о работе, иначе не было бы у них средств на создание Третьяковской галереи, Бахрушинского музея или Щукинской галереи.

Когда в жирной ночной жизни столичной бултыхаются люди, чуждые какой-либо культуре, с трудом отличающие Пушкина от Вознесенского; банкиры, выдающие себя за писателей, и писатели, ставшие банкирами; окружающие их дамы, «прекрасные во всех отношениях» – от безутешных вдов до оставшихся сиротами дочек, обслуживающих самых богатых воров государственного имущества, – это одно. Но когда их собутыльниками и сотрапезниками становятся те, кто одарен от Бога, кого слушают и кем восхищаются истинные ценители прекрасного, невольно начинаешь бояться этой всепожирающей машины пошлости и разврата. Когда музыканта – творца, вызывающего своим неповторимым искусством слезы радости и приближающего слушателей своим исполнением к небу, в его юбилей дочка борца за демократию, ходившего во власть (а зачем?), г-на Собчака с прислуживающими гетерами укладывает на праздничное ложе и осыпает его хитон фиалками, специально доставленными из Пармы, становится не по себе и кажется, что серный запах Содома и Гоморры окружает тебя, заставляя вспомнить о грядущем апокалипсисе.

Безымянная скульптура в Хабаровском парке культуры и отдыха. Фото Геннадия БОГДАНОВА, г. Хабаровск.

Ничем не беспокоясь

Владимир КОСТЫЛЕВ

Родился в 1974 году в городе Арсеньеве Приморского края. Главный редактор культурно-просветительского художественного издания «Литературный меридиан», член редколлегии Дальневосточного литературного журнала «Сихотэ-Алинь». Автор сборника верлибров «Семнадцать ступеней», книги прозаических миниатюр «Два кофейных зёрнышка». Публиковался в журналах «Литературная учеба» (Москва), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сихотэ-Алинь» (Владивосток), «Южная звезда» (Ставрополь), «Золотое перо» (Москва), «Согласование времен» (Германия), «Московский вестник» и в других.
Живёт в городе Арсеньеве.

Почудится вдруг это невозможное кино [словно читаешь не то Чехова, не то Толстого] – на деревянном перроне старик с едва тлеющим табаком в трубке немигающим взглядом подпирает вечность, падающую на кроны беспокойных осин на горизонте. Трудно удержаться от соблазна закрыть глаза и услышать механическое a cappella – пронзительный паровозный гудок, заглушающий на несколько мгновений металлический перестук колёс и шипение пара.

Благословенна русская глубинка – мир светлых людей, никуда не спешащего времени и непризнанных открытий.

«...*На дальней станции сойду*» – чуть слышно звенит в уме взрослая песенка из детства, превращая случайное дрожание памяти в живое и поныне воспоминание.

...Разве может не замереть сердце лишь от единственной мысли о дальнем – двухчасовом! – путешествии на поезде? Ты долго, целую неделю, ждёшь этого события. Когда тебе [о чём с гордостью думаешь «про себя» и сообщаешь всем «неверующим»] скоро пять, судьба не может быть не благосклонной к твоим желаниям и переживаниям. И вот… благословенная суббота, ты держишь одной рукой отца, другой маму. Вы, стоя у железнодорожного полотна, ждёте двенадцатичасовой поезд.

– А почему вот эти, – тычешь ты пальчиком в направлении шпал, – грязные? «Очень важный вопрос» сам собой срывается с губ и сразу же забывается от завораживающего зрелища: вдали, дрожа в полуденном мареве, словно мираж из «1000 и одной ночи», появляется тепловоз, тянущий за собой полтора десятка пассажирских вагонов. Плавно покачиваясь, состав приближается. Перрон – огромная масса людей – приходит в движение... А в твоей ладошке (доверили как взрослому!) прямоугольные коричневые билеты из шершавого картона, которые ты с важным видом подаёшь «тёте-проводнику» «общего вагона».

– ...А можно на вторую полку? – смотришь ты с надеждой на отца – такого большого, с добрыми серыми глазами, самого сильного и справедливого в мире мужчину.

«...*Трава по пояс*» – продолжает петь приятный голос в голове. А за окном мелькают эти самые высокие травы, и нельзя не залюбоваться желтыми, красными и сочно-оранжевыми лилиями.

С верхней полки видно всё-всё. И ты, раскрыв рот, все два часа смотришь на этот неожиданно новый, такой необъятный пёстрый мир.

– Смотри, сынок, – тихо говорит отец, – какие огромные котлованы. Здесь люди открытым способом добывали уголь.

По серым склонам карьеров – сверху донизу – тянутся канавки, проделанные дождевой водой. Воображение рисует шахтёров почему-то в касках с фонариками, держащих в руках лопаты и отбойные молотки. Лица рабочих блестят угольной чернотой...

Прощай, богатая углём Реттиховка. Мы почти приехали. Следующая станция, Вассиановка, – уже известно наверняка – наша. Там, в «васильковой синей тишине», живут мамины дедушка и бабушка – мои, выходит, прадед и прабабушка.

Благословенно солнечное утро

Юрий КАБАНКОВ

Поэт, критик, переводчик, публицист, филолог, богослов. Выпускник Литературного института им. Горького. Член Союза писателей СССР с 1988 года (ныне – СП России), член Всемирной организации писателей International PEN Club. Автор множества публикаций в центральной, региональной и зарубежной периодике. Его стихи переведены на ряд иностранных языков и языков народов бывшего СССР. Лауреат многих премий, в том числе – общероссийской премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству». Автор нескольких поэтических сборников. Член Общественного совета «Литературного меридиана». Живёт во Владивостоке.

Камень I

(Из «Отреченной псалтири» Епифания Пустынника)

...Куда ж теперь стопы свои направим?
Всё, что смятенным сердцем славили и славим, –
в безвылазных погребено снегах.

2. Не ангелы ль Твои на суд меня призвали?
Какая сутолочь в твоем мирском развале,
о Господи! Увы Тебе и ах...

3. Так думал я. С слезами озирая
подножие мечты – канун земного рая, –
смятение посеявшей в умах.

4. Ужели, – думал я, – так беззащитны люди
от призрачных надежд, что каждому на блюде
повинен Ты нести ключи от врат Своих?

5. Воззри же, Господи, на чад нетерпеливых:
не рыбам ли подобны при отливах –
спеша и в смерти надышаться за двоих!

6. Блажен безумец, ждущий воздаянья, –
не я ль, мгновенный прах Твоих благих деяний?
Прости, – промолвил я, – что так на слово лих!

7. И впрямь ничтожен ты в своем предназначенье, –
мне голос был, – и в чем твои мученья?
Голодный зверь и тот – достойней встретит смерть!

8. Вовек достало б вам и радости, и хлеба –
когда б не эта ваша черная потреба,
затмившая сияющую твердь.

9. И ты, рождённый в травах нищетою,
не вознесёшься над людской тщетою –
ни сном, ни славой, ни молитвою – и впредь!

Камень III

(Из «Отреченной псалтири» Епифания Пустынника)

...И поднебесную окидывая взором,
я понимал, что ни пожарам, ни разорам
не опалить уже моих бессонных век.

2. И я простился с тяжестью земною.
И время устремилось вслед за мною,
змеясь внизу – по раскалённым руслам рек.

3. Лишь трепетное сердце замирало –
когда в смятении душа моя взирала,
как на щеках живущих тает снег.

4. И стало сердце тяжелее слитка.
И поднебесная свернулась, как улитка.
И жизнь моя читалась по складам...

5. Как тот птенец, исторгнутый из праха,
весь – сочлененье дерзости и страха,
я знал одно: *ужо и аз воздам!*

6. Беспутный сын, гордынею томимый,
я отвернулся от родного дыма,
скитаясь – легче пустоты – по городам.

7. И всюду тьмы людские шумно ликовали
покуда ангелы ключи для них ковали –
во имя счастия и вечного труда;

8. и, как дитя с фонариком бумажным,
я всюду вопрошал неутомимых граждан:
Куда грядут сии плачевные стада,

9. не ведая ни пастыря, ни броду?
И никли долу возмущенные народы,
и слезы их струились – как вода.

Камень XVIII

(Из «Отреченной псалтири» Епифания Пустынника)

...Благословенно солнечное утро –
в час, как заря холодным перламутром
сияет в каждой чашечке цветка

2. и малая тычинка хвалит Бога,
и божья птаха...
.....
...облучённая немного,
глядит и удивляется слегка,

не помышляя – как спастись отдельно;
и гулко, как в заброшенной котельной,
внимает сердце отпущению греха...

4. ...и зрак таращит на воскресных девок!
.....
Да что я в этом мире за обсевок!
Откуда, Боже, столько горечи и зла,

что и нечистый вынести не в силах?
Прочти ж, душа:

5. .....
...но где тебя носило –
покуда плоть (*прости*) не понесла,

6. кощунствуя и мира не приемля?
Ибо безумье охватило землю,
и облучённых страхом – несть числа.

…Кровавый Марс приткнулся к пилораме;
уже архангелы с железными крылами
с великой колокольни сбили спесь.

Давно пусты колокола; округа
кипит, давя, как виноград, друг друга,
любви и правды вожделея – днесь!

Тоскует разум, поднося патроны;
бескровный Лазарь изморозью тронут,
и мысль мутна – как меловая взвесь...

Камень XIX

(Из «Отреченной псалтири» Епифания Пустынника)

...И мысль мутна, и помыслы убоги;
всё те же лесовозные дороги
морозным скрипом осаждают слух.

2. Черна в стенах души мирская копоть:
вдруг вскинется в ночи крылами хлопать
иль запоёт, как молодой петух.

3. Давно уж смерть клюёт меня в затылок;
звезда моя над бездною застыла,
уже не тщась поворотить небесный круг, –

4. ибо Господь определяет сроки...
.....
(Здесь снова неразборчивые строки,
напоминающие греческую вязь,

где каждый знак, застывший врассыпную,
уже таит реакцию цепную,
античной немотой своей давясь.

Увы, и здесь не обойтись без скобок,
хотя – с такой дискретностью бок о бок –
немудрено утратить всяческую связь...)

7. ...ибо сияньем полнятся пустоты
(*небес?*) – не так ли восковые соты
незримо полнятся сладчайшим янтарём

8. во исполнение (*зачёркнуто*) завета;
и Божьи ангелы, исполненные света,
заглядывают сквозь дверной проём

9. незапертой часовни?.. Боже правый!
Ты не отвергнул чаши сей кровавой,
но мы, бескровные, – не вовсе ли умрём?!

В этот день

Primum vivere!(*)

Глядя на светила исподлобья,
над родимой пажитью кружа,
разминулась с пролитою кровью
в небо вознесённая душа.

Смерть смотрела с борта самолёта,
как вставал охрипший, чуть живой
день передового обмолота
с пыльной непокрытой головой.

Радуйтесь! Но помните отныне,
вслушиваясь в благостную весть,
как Мария плакала о сыне,
веруя, что он на свете – есть.

Кровь прошла гудящими корнями,
окропив расплавленный песок
там, где сын слепящими огнями
небо прочертил наискосок.

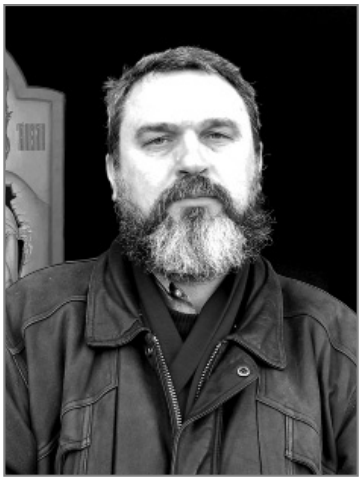
В этот день, прогуливаясь шатко
и перетолковывая весть,
праздновали солнечную жатву:
хлеб, мол, наш насущный даждь нам днесь!

...Не душа тоскует мировая! –
затерявшись в поле где-нибудь,
одуванчик, щёки раздувая,
тронулся в необратимый путь...

---

* Прежде всего – жить! *(лат.)*

Литература как послушание



Андрей ХВАЛИН

Андрей Юрьевич родился в г. Артеме. Закончил филологический факультет Ленинградского госуниверситета и Православный Свято-Тихоновский богословский институт. Работал в газетах «Советский Север», «Тихоокеанский комсомолец», «Боевая вахта» и в других. Руководил пресс-службой Владивостокско-Приморской епархии. Автор многочисленных публикаций в отечественных и зарубежных периодических изданиях. Автор книг «Драма чеховского интеллигента» (1988), «Еще опущен занавес» (1989), «Пока свободою горим» (1990), «Да пребудет в веках» (1990) и др. Член СП России, лауреат Всероссийской премии «Традиция» СП РФ. Активный участник Монархического движения: председатель Братства во имя Царя-Великомученика Николая (Владивосток), член Центрального Совета Общероссийского общественного движения «Россия Православная». Живет в Москве.

22 мая 2013 года в Москве, в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя состоялась торжественная церемония вручения Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Среди номинантов, вошедших в короткий список премии, и Председатель Благотворительного фонда Е.И.В. Великой Княгини Ольги Александровны Ольга Николаевна Куликовская-Романова – постоянный автор «Русской народной линии».

В канун этого значимого события в культурно-общественной жизни страны с **О.Н. КУЛИКОВСКОЙ-РОМАНОВОЙ** беседует писатель **Андрей ХВАЛИН.**

– Ольга Николаевна, талант слова дается писателю Богом. Но очень важно, на какую почву упадет божественное «зерно», в какой семье появится на свет будущий писатель, какая культурная и языковая среда его сформирует. Все это вместе определит в будущем своеобразие его творчества. Вы родились вдали от России…

– Родилась я в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев в семье русских беженцев. Крещена в сербском храме русским священником на церковно-славянском языке. Когда ходила во французский садик и еще не умела читать, папа, русский офицер, ставший в изгнании учителем рисования, принес из своей гимназии приложение к дореволюционному журналу «Нива». По картинкам из журнала познавала русскую жизнь. В подготовительном классе сербской гимназии учила две азбуки: кириллицу и латиницу. В шутку дети их называли: «кириллица и мефодица».

В Мариинском институте благородных девиц, эвакуированном из Новочеркасска в Югославию, изучались древние и современные иностранные языки. Мой девичий мир был радужен и многоязычен. Знание и понимание иных языков, культур и цивилизаций помогает мне всю жизнь. Но главным и первым предметом в институте был Закон Божий. Ведь Господь-Слово говорит с людьми на разных языках, и в первую очередь на языке умной сердечной молитвы. В институте мне дали послушание церковницы в нашем храме. Сербский патриарх Варнава, большой друг русских, благословил девочек до определенного возраста прислуживать в алтаре. Трепет охватывает мое сердце, когда вспоминаю те минуты.

– Вам на долю выпали немалые испытания – смертельная болезнь, война, эвакуация, тяжкий труд за кусок хлеба. Предполагали ли, что когда-либо начнете писать, у Вас появятся изданные книги?

– За долгие годы жизни на чужбине никогда не думала, что стану литератором и даже членом Союза писателей России. Толчком послужила встреча с родиной. И первый жанр, который пришлось освоить, – эпистолярный. В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века мой Супруг Тихон Николаевич, внук Императора Александра Третьего и родной племянник святого Царя Николая Второго, находился в активной переписке с молодыми русскими патриотами. Мне довелось помогать Тихону Николаевичу составлять эти Послания и Обращения, распечатывать их на машинке и носить на почту. Как ни парадоксально звучит, с нашей

Памятник А.С. Пушкину. Москва, ул. Тверская.
Фото Владимира КОСТЫЛЕВА, г. Арсеньев.

стороны данное эпистолярное творчество было абсолютно «чистым искусством» по помыслам. Нами двигали не жажда славы, корысть или чувственные эстетические наслаждения, а единственно – любовь к России.

В 1993 году мы с Тихоном Николаевичем должны были ехать в Новочеркасск, где возрождался кадетский корпус имени Государя Императора Александра Третьего. Но Господь рассудил иначе. В апреле Тихона Николаевича не стало. После дней траура все-таки выполнила волю почившего супруга: поехала в Новочеркасск и огласила перед кадетами, их педагогами и родителями Слово-Завещание Тихона Николаевича, присовокупив к нему и свое Обращение. Так вместе они и вошли в мои книги.

– Ольга Николаевна, как бы Вы сами определили основные принципы своего творчества? В чем черпаете силы для написания книг и к кому они обращены в первую очередь?

– Можно сказать, что источник моего творчества – деятельная любовь к родине и послушание мужу. Выполняя его волю, все эти годы отдавала созданному нами фонду имени Е.И.В. Великой Княгини Ольги Александровны, прославлению Царственных страстотерпцев, объединению Заграничной и Русской частей нашей Церкви, установлению правды о Династии Романовых, 400-летие воцарения которой на Всероссийском Престоле отмечается в нынешнем 2013 году. Связанные с этими узловыми вехами исторические лица и события легли в основу моих книг. В них нет беллетристики, фантазий, вымыслов. Здесь сердцевина – в единстве слова и дела. Гений и злодейство, любовь и коварство не совместимы во все века.

Образцом мне служит древнерусская словесность, начиная с великого Илларионовского «Слова о Законе и Благодати». ***Слово древнерусских книжников было богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности*** *(2 Тим. 3,16). При таком подходе к писательскому служению автор является кисточкой, пером, тростью скорописца в руках Божиих. Что же касается «художественности» русской словесности в целом и моего скромного творчества, то его источник в неиссякаемом богатстве стиля и образов Священного Писания. Мои книги прожиты и написаны, как перед Богом, для русского читателя в Отечестве и рассеянии и посвящаются самым близким людям – дорогому Тихону Николаевичу, дочери Татьяне, внучке Александре. Они – самые строгие мои судьи. Пусть также строго судит их и боголюбивый читатель. Пусть глас народный будет гласом Божиим, как говорит русская пословица. Ибо настает пора вернуться к высокому глаголу русской словесности, как колокол, призывающему народ к единству во время бед, чтобы наступил день русского торжества!*

Мечтательница великая

Марина ЗАЙЦЕВА

Марина Дмитриевна родилась в Ленинграде
Автор нескольких поэтических сборников.
Лауреат премии губернатора Сахалинской области. Публиковалась в журналах «Сихотэ-Алинь», «Дальний Восток», «Аврора», «День и ночь», «Литературный меридиан» и в других периодических изданиях.
Член Союза писателей России.
Живёт в городе Корсакове Сахалинской области.

Спасибо дню

Спасибо дню,
что вспыхнул надо мной,
Что высоко сияет дивный свет,
Что ураган промчался стороной –
И для тревог
почти причины нет.

Я славлю день, манящий новизной –
Пичугой малой
в честь него пою -
И хрупкий мир,
единственный, земной,
Чью боль я принимаю как свою.

Продлитесь, лес и речка,
дождь и снег,
И дети, и надёжные друзья.
И ты продлись навеки, имярек, –
Моя душа и музыка моя.

* * *

Всяк дорогую цену платит
За жизнь – и кроток, и спесив.
Валун судьбы на гору катит,
Как богом проклятый Сизиф

Но катит до изнеможенья,
С тупым усердием своим.
И, глядь, – в какое-то мгновенье
Лежит распластанный под ним.

* * *

Вкус наживы мозги дурманит:
Взятки… подкуп… обсчёт… обвес…
И наивную деву манит
С гнилью яблоком хитрый бес.

И отмажут за мзду, и засудят,
Разрешится любой вопрос:
Тридцать сребреников Иуде –
И распят на кресте Христос.

К власти

Докажи мне, что ты надёжная,
Что важна ты в моей судьбе.
И, возможно, отвечу тоже я
Чем-то добрым тогда тебе.

Докажи, что за дитятко малое,
За слезинку его взойдёшь
на костёр!
И что суть твоя не лукавая,
А слова и дела – не ложь.

Докажи, что владею правами я,
Безнадёжно бродя по судам.
И что сын мой, призванный в армию,
Толстосуму в аренду не сдан.

Докажи, что за Конституцию
Ты готова на рельсы лечь,
Что чиновника за коррупцию
Ты способна в острог упечь.

Докажи мне, что не зловолие, –
Но добро в основе твоей.
И тогда, может быть, позволю я
Быть эгидой тебе моей.

Россия

«…Ты и убогая, ты и обильная»
Ф. Тютчев.

1. Вечевая и земская,
Царская и президентская,
Рабская и бунтарская,
Безбожная и пролетарская,
Православная и языческая,
Пьянствующая и дикая,
Тёмная и космическая –
Мечтательница великая!..

2. Всякое застолье – пир!
Жаждет волюшки она
Более чем жизни.

Кровушки дурной полна.
Чуть кольни…
И брызнет –
На весь мир!

* * *

Когда не в силах жизнь вкушать уже,
Когда мы остаёмся не у дела,
Приходит время думать о душе.
А прежде занимало нас лишь тело.

* * *

О! Вы – красавчик! В самом деле.
При Вас – всё Ваше. Но, увы,
Один изъян у Вас на теле:
Вам не хватает головы.

* * *

Не найти в разливе брода.
Не куснуть зубами локтя.
Проще скушать ложку мёда,
Ложку мёда – с бочкой дёгтя.

Светлой памяти наших надежд

Эпохи ельцинской «сюрпризы» и «призы».
Теперь мы шлём её к такой-то матери…
Но постигали мы тогда азы
Свободы и желанной демократии!

Рубили лес! И щепки, что в народ
Летели, не казались нам опасны…
Из прошлого страна рвалась вперёд
Под триколором, – растоптавши красный.

«Товарищей» сменили «господа»,
Когда Союз наш в клочья разносило –
Ведь из тумана хаоса звезда
Надежды восходила над Россией.

Нас – нами сотворённый – вёл кумир
(мы заповеди Божьи знаем плохо…).
Но нам тогда рукоплескал весь мир –
Ведь зарождалась новая эпоха.

И дров он наломал, да и голов…
Хлебнув сполна совковые мытарства,
Мы верили: не худший из миров
Он строит на обломках государства.

Примнилось: из туннеля брызнул свет –
Мы голову сломя туда рванули…
Но вновь прозрев, плюём кумиру вслед
И материмся, что нас вновь «надули».

* * *

Ночь незряча.
Визжит сигналка
Истерично
На весь тёмный двор.
Наудачу крадётся однако
По чужую собственность вор.
Волчье солнышко
Плотной тучей
Прикрывает свой жёлтый глаз.
Не впервой…
Да и вор – везучий.
Дверцу вскрыл –
И нажал на газ…

Ода человеческой шкуре

Сошёл на нет кичливый дарвинизм.
Нам не прикрыться обезьяньей шерстью.
Мы голой шкурой чуем историзм
Под сапогами вражеских нашествий.

Они идут по ней, как по ковру,
К вершинам вожделенного господства.
Тысячелетья мнут её и рвут.
Но шкура поболит и вновь срастётся.

Служила властелинам всех эпох
Она объектом порки и сдиранья.
В узилищах кормила вшей и блох –
Но заживала, пережив страданья.

Природный этот нежен матерьял:
Горит от розг, от шомполов дымится.
Как мир его на прочность проверял –
И дарвинской горилле не приснится!

Мой славный человеческий народ,
Ты жив ещё? – ободранный и битый.
Ты не печалься: шкура нарастёт,
И, может быть, забудутся обиды…

Ты шкуру умножай и береги.
И соблюдай законы гигиены:
Её ведь жаждут власти и враги –
Сильнее, чем шакалы и гиены

* * *

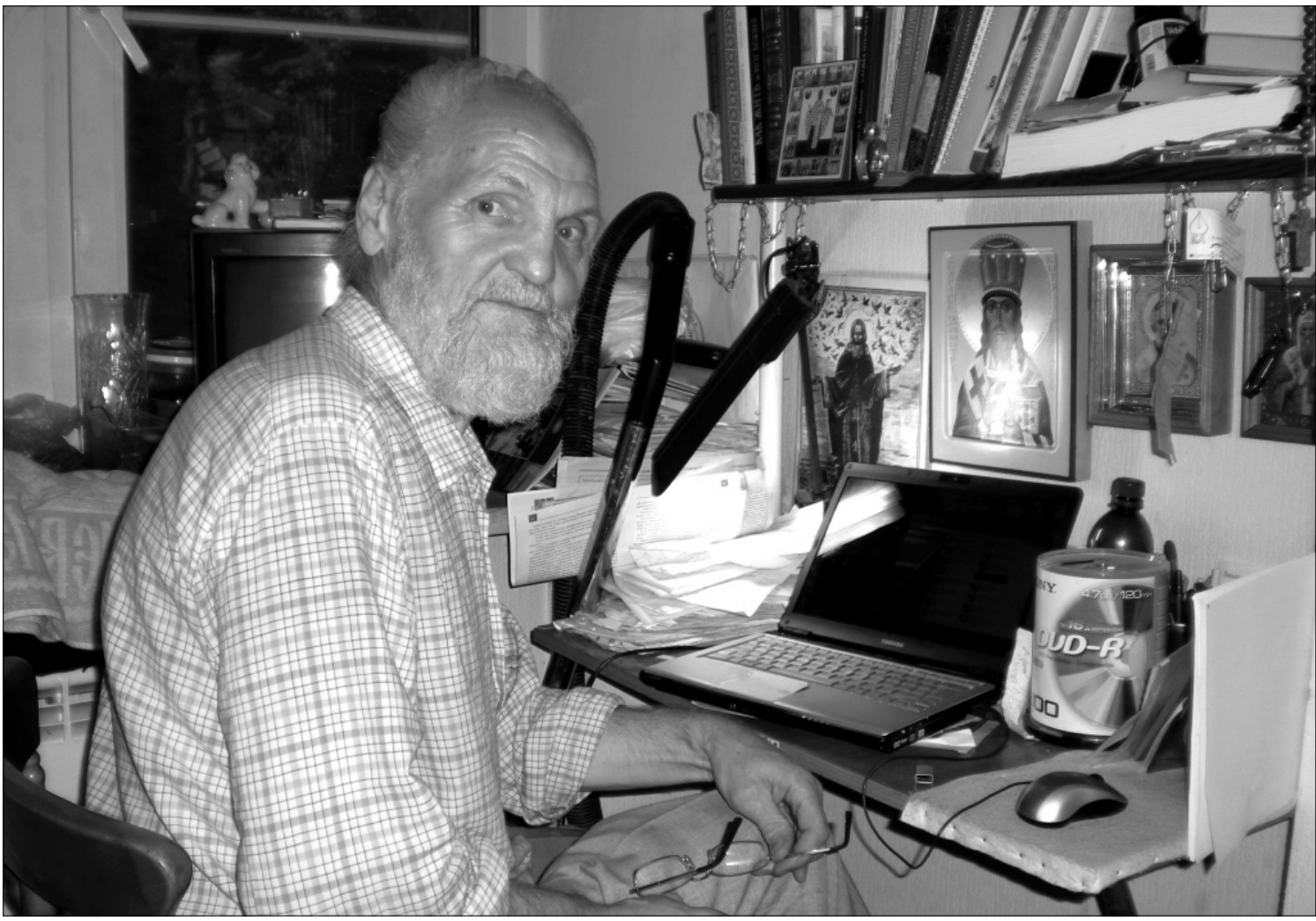
Нигде спасенья в мире не найдёшь.
Дилемму ВОЗ тебе подбросил типа:
От «атипички» не загнулся? Что ж…
От козьего загнись хотя бы гриппа!

* * *

Проходили мы приватизацию.
Ваучерои- и монетизацию.
Проторённым двигаясь путём,
И валоризацию пройдём!

* * *

Любой российский город, не иначе,
Лихими оккупантами захвачен:
Днём с огнём по улицам пройдёшь –
Вывески на русском не найдёшь!



Владимир КРУПИН

Владимир Николаевич родился в городе Кильмезь Кировской области. Окончил филфак Московского областного пединститута им. Н.К. Крупской. Работал комбайнёром, слесарем, школьным учителем, сотрудником районной газеты, на центральном телевидении, в издательстве «Современник». Редактировал журнал «Москва». С середины 1990-х годов преподаёт в Московской духовной академии. Возглавляет журнал «Благодатный огонь». Автор более двух десятков книг прозы. Кавалер ордена Дружбы народов. Живёт в городе Москве.

Фото Владимира ТЫЦКИХ, г. Владивосток.

Диктатура воровства

Совершенно безстыдно разрушение Советского Союза было названо перестройкой. Именно, благодаря ей, в России установилась диктатура воровства. Воровать стало совсем не стыдно, даже доблестно. «Горбоельцы», как назвал новых хозяев народ, крали заводы, фабрики, комбинаты, земли, леса, называя всё это на своём уголовном жаргоне приватизацией. Крупные ворюги вошли во властные структуры и сразу же вырастили угодное себе чиновничество и депутатство. То и другое и хозяевам помогало, и само быстро выучилось жить хорошо. Ну-ка, пойди к чиновнику без подношения. Ну-ка, попробуй, не отстегни ему, ну-ка попробуй без «отката». – Как? – раздаются возмущённые голоса, – у нас же борьба с коррупцией! Смешно. Ответьте на вопрос, кто громче всех кричит: «Держи вора!»? Правильно. Сам вор.

Ещё вопрос: почему именно в России вольготно ворью? Потому что в России, в основном, православный народ, он доверчив, он знает заповедь – не копить себе ветшающих богатств на земле, думать о том, чтобы спасти душу. Ну как таких простодушных не грабить? Но ведь и ворьё не безсмертно: и березовские, и чубайсы, и абрамовичи лягут в могилу, а она и у них тоже будет, и ни дач, ни островов, ни яхт в неё не утащишь.

Но души даже и у них безсмертны. И любой из нас увидит, в свой срок, за гранью земного, возмездие российскому ворью.

Так что воруйте на здоровье, собирайте себе горящие угли на голову. И не думайте, что это вы сами такие умные, да хитрые, нет, вы земные слуги – пешки в руках сатаны.

Сегодняшняя пятая колонна в России – это обслуга врага нашего спасения. Бесов телевидения, эстрады, киношников, газетно-журнальных писак, – всё это танцующее, играющее, обозревающее, пишущее стадо, внедряющее в Россию разврат, пошлость, насилие, может быть, можно было бы и пожалеть в виду ожидающей их страшной жаркой черноты ада, но уже не хочется. Сто раз их вразумляли, всё неймётся. Ну что ж, кошка скребёт на свой хребёт.

Итак, страну разворовывают, но, по большому счёту, сатане плевать на золото, на никель, на нефть, цель его одна – оттащить Россию от Бога. Но православная душа никогда не вытерпит и не примет посягательство на святыни. Разве в Великую Отечественную отцы и деды воевали за Ленина, за Сталина? Воевали за Святую Русь, за спасение своих душ. И какой был взлёт прихода людей в Церковь.

Вот и нам, их наследникам, пришло время битвы за Православное Отечество. Оно, как и любой из нас, в плену. Закабаление, подчинение воле мирового зла происходит через зримые, материальные вещи. Вот я отказался от ИНН, а приходит оплата за квартиру, и там это ИНН проставлено. Но всё мало врагу, хочет окончательно загнать всех нас под колпак и полностью заставить жить по дьявольскому расписанию. Сколько получил, куда пошёл, где был, что купил, всё про нас надо знать. А то, что права личности нарушены, да плевать на это бесы хотели. Конечно, я говорю об электронных картах.

В Московской областной думе обсуждали вопросы их внедрения. И обсуждали так, что сами карты – это дело решённое, что есть только кой-какие особенности.

И вот, сидят депутаты, чиновники, вроде нормальные люди, в галстуках. А на деле, это уже не люди – роботы. Им кажется, что это они сами так думают, что карты нужны, что без них Россия вымрет, но вот же им возражают, говорят дельные вещи, что как раз с картами Россия вымрет гораздо быстрее, нет, не понимают. Они обязаны отработать зарплату. А то, что зарплату им обеспечивают те, кого они унижают и оскорбляют этими картами, они не понимают. Или притворяются, или, что скорее всего, куплены. Они – опричники системы. Долдонят: проводили опросы – пятьдесят процентов «за», восемнадцать – «против». Но знаем мы, как эти опросы проводятся, знаем мы, как у нас голоса считают. А эти восемнадцать процентов не люди? Да и эти пятьдесят, если бы знали весь ужас внедрения электронного слежения за людьми, они бы отказались. Галина Царёва как раз об этом ужасе говорила. Умно, спокойно, доказательно. Я глядел на чиновников, на их скептические, непроницаемые лица и вспоминал пословицу: им плюй в глаза, скажут – Божья роса.

Они же глядели на нас, морщясь от ожидания: да когда же эта общественность уйдёт, всё же решено, чего же они ещё трепыхаются? Карты эти были условием вступления в ВТО, вступаем – получайте карты. Ну, ещё дадим подышать до начала 2014-го, там – баста, ложитесь и помирайте, а мы и рады, вы нам жить мешаете. Я уверен в том, что антиправославные, антирусские всплески усиливаются именно от того, что враги России тонко улавливают полное равнодушие правительства к судьбе народа.

Смотрите сами: в России тихой сапой, то есть поподлому, свершены ещё два антинародных дела. Первое: теперь у нас сёла, города, посёлки, деревни, – это всё называется одним словом – *поселения*. А поселение напоминает приснопамятное спецпоселение, – огороженное, охраняемое пространство. И жить в поселении, а не в селе, не в городе – оскорбительно для сознания.

Второе: в чём разница между полицией и милицией? Очень большая. Милиция присягала на верность народу, полиция – правительству. Перемена значительная. Она показывает трусость властей, их нелюбовь к народу. Только что у метро «Охотный ряд» азиатский или кавказский человек всучил мне блестящую книжечку. Гляжу: «Флирт», раскрыл – мерзость – телефоны и фотографии проституток. Как раз рядом проходят два полицейских, подполковник и майор. «Глядите, это же в двух шагах от Кремля». А они что? Захохотали: «У каждого свой бизнес». И пошли. Чего им не хохотать над стариком: у них зарплата больше моей пенсии раз в пятнадцать.

Нет, нас за людей не считают. Но ведь именно мы определяем духовную мощь России, её главную силу. Вспомним приход к нам Пояса Пресвятой Богородицы. Думаю, что либеральное «болотное» кваканье было испуганной реакцией на всенародное поклонение общеправославной святыне. Как ни надували лягушку болотного митинга, в вола она не превратилась.

А дальше? Дальше будет больше нападок на всё русское, православное. Тем более врагам России, внешним и внутренним, есть чего испугаться, имею в виду молитвенное стояние в защиту православных святынь. Оно же было по всей стране, а не только у Храма Христа Спасителя. Будет больше передач, унижающих и опошляющих историческую Россию. Предсказываю, что так называемое Общественное телевидение, будет антиобщественным. Оно будет оправдывать мерзости экрана тем, что на любые передачи есть зрители, что не хотите – не смотрите, а нам не мешайте развращать молодёжь.

И ещё: меня даже не то оскорбляет, что электронные карты усложнят жизнь, а то, что государству плевать на наши возражения. Оно же обещало мировому правительству, что загонит «россиян» в электронный концлагерь, вот и загоняет. А нам без передышки врут, что их цель – сильная и независимая Россия. Какая ж независимая, когда вы руки по швам перед мировым правительством? И какая же сильная, если не может быть независимой?

Эвтерпе

(цикл стихов)

Иван ШЕПЕТА

Родился в 1956 г. в ныне не существующем горняцком посёлке Черемшаны на севере Приморского края. Окончил филфак Дальневосточного госуниверситета. Автор поэтических сборников «Суровые стансы», «Все слова на „А“», «Фотограф бабочек» и др. Печатался в альманахах и антологиях «Лучшие стихи года», «Рубеж», «Сто лет поэзии Приморья», в журналах «Дальний Восток», «Литературная учёба», «Литературный меридиан», «Новый мир», «Сельская Новь», «Сихотэ-Алинь», «Советская литература», в газете «Литературная Россия» и др. Стихи переводились на иностранные языки. Входит в состав попечительского совета ежемесячника «Литературный меридиан» и общественного совета журнала «Сихотэ-Алинь». Член Союза писателей России, Союза российских писателей, Русского пен-центра. Предприниматель, меценат, издатель. Живёт во Владивостоке.

1. Не жду в ответ с любовью взгляда,
в лицо тебе бросая взгляд:
мне даже Родина не рада, когда я ей бываю рад.

Прости, хорошая, за то что
тебе я так не подхожу.
Мне самому бывает тошно, когда я в зеркало гляжу.

Как в домино, нет хода – Рыба! –
ты все сама должна решить:
в лицо не плюнешь – и спасибо, не отвернёшься –
будем жить!

2. Жить? от тебя во всем зависеть?
как в детстве давнем ревновать?
то в пляс пускаться в полный присед,
то плачем звать к себе в кровать?

Плачь, громче плачь!.. Молчу и медлю.
Мне мыслить дар напрасный дан,
как в яме с оркестровой медью
бу-бу башкою в барабан.

И впрямь заучено с пелёнок: мир этот холоден и пуст.
Ты беззащитен, как ребёнок,
зависящий от чьих-то чувств.

В том мире, чуждом и жестоком,
где всякая невнятна речь,
лишь только звуком, криком-током
дано сочувствие привлечь.

* * *

А утром снег припорошил
в Садгороде мой тихий дворик...
Тот снег – ещё в минувший вторник –
Росгидромет наворожил.

Читаю каждый звук с листа
волшебной музыки... но... ты ли?
любовь? Любовь! Как снег чиста,
пока на нём не наследили!

Как это странно, что – зима!
Не ждал, не верил. Жил вслепую.
И мысли гнал... Пришла сама –
как снег на голову седую!

Сказать не успеваю "стоп!",
миг ослепления внезапен.
Тяну билет, входя в озноб:
да, или нет? Опять экзамен!

Опять я школьник. Ученик.
Опять слова делю на слоги...
И до утра горит ночник
моей тревоги.

3. Быть с нею права не имею, и права – отказаться чтоб,
так от желания немею с макушки и до пальцев стоп.

Она – волнующе другая... А та, которой рядом нет,
как лампочка, перегорая,
в пустой прихожей гасит свет.

Пространство, время – что для них мы?
О, если долго вглубь смотреть,
то можно вдруг расслышать рифмы
в словах «любовь» и «смерть»!

Затрепещу, чтоб засветилась, красивая такая... Эх,
что это, коль не Божья милость,
когда отказываться – грех?!

4. Детей имеют жёны. Бабы. А музы – не имеют их.
Умножь как женщина хотя бы
мерцание стихов моих!

Оставь не прах на этом свете,
защитников на Высший суд,
стихи, что будут нам как дети и перед Богом нас спасут.

Чем жили и чего хотели. Все, что не высказано вслух...
Не часть меня в белковом теле,
а чистый, абсолютный дух!

Важны не мелкие детали,
а суть, что мировому злу
любовью противостояли,
крылом – к крылу.

5. Почки раскрыться готовы,
но не раскрылись... Зато
в розовом склон у подковы садгородского плато!

Там, на уступе скалистом,
дикий зацвёл абрикос,
в чистом пространстве, безлистном,
в стыках дубов и берёз.

Стала на сад ты похожа. Странной петляю тропой...
Странно стихи эти,
кожа
розовым дышат... Тобой!

Завтра слезами умоюсь. Перекрещусь, отпущу.
Всюду висящая морось будет цепляться к плащу.

Буду, тобою забытый, с места срываться, бежать,
будто старик от обиды мелко губами дрожать...

Завтра. Сегодня – фиеста!.. Губы касаются вскользь,
чувствуя щёку
телесно,
точно в пушке абрикос.

6. Жена, мирившаяся с гейшей,
меч обнажает для атаки:
на запах нежности нежнейшей натасканы ее собаки.

Я делаю не из гордыни лица холодным выраженье,
ведь наша связь с тобой отныне
на нелегальном положенье!

Отныне в духе киноленты,
где звука нет, а жесты резки,
живем, как тайные агенты, шифруя даже SMS-ки.

7. Читать жене такое – стыд:
проваливаюсь в многоточья...
а верилось, что Бог простит,
судить отдав ей полномочья!

Прости мне, Господи: дурак!..
Держу отныне хвост селёдкой:
коль грешен, лью лекарство врак,
а нет – по морде сковородкой!

Удар, еще! – под ржавый киль:
не все поэмы судоходны!
И боцман валится, как куль,
на приготовленные сходни.

И ощущаю я – о, черт! – как режет слух стальная фуга,
во тьму швыряя через борт... В ночь,
без спасательного круга!

8. ИСК
Я не готов к такому иску: не много ли хотят с меня?
Всё, зажигалка божью искру не высекает... нет огня!

Пришла, пришла моя погибель...
Стоим, и каждый – на своём!
А жить счастливыми могли бы... а почему-то не живём!

9. ПРИГОВОР
Я ухожу... Тугой затвор замка
ключ досылает, как патрон в патронник...
И холодно спине от сквозняка:
я чувствую спиной, что я – покойник!

Все кончено. Бессмысленно кричать:
мгновенье после
под лопаткой слева
распишутся
и шлепнут мне печать...
Без сожаленья. Без любви и гнева.

10. Живу в сомнении жестоком:
а нужен ли тебе поэт? –
но в дверь стучу условным стуком
и с нетерпением жду ответ.

Ты не способна к лицемерью,
чувств не умеешь ты скрывать...
Я слышу за железной дверью,
как выдохнет тебя кровать,
как легок шелест ножек бОсых...
– Ты?! – изумленно скрипнет шкаф,
и взвизгнет ключ в замке, как песик,
за своего меня признав!

11. Любовь таким как ты нужна...
любовь – как солнце для растений:
ты так чувствительно нежна,
что вянешь от малейшей тени!
Таких как ты, чей голос слаб,
страшит настойчивость мужская,
и я учусь касаньем лап
ласкать, когтей не выпуская.

Под лягушачий хор в ночи, как пса,
возьмешь меня за холку.
Прикажешь шепотом: «Молчи!» – и я,
как верный пес, умолкну.
Мы будем слушать этот хор –
ор полигамно-земноводный...
Там, что ни особь, то – партнер.
По цвету доллара – свободный!

Как голос чувств твоих высок!
Как небо звездное бескрайне!..
Я ощущаю твой восторг,
передающийся мне втайне...
Ты одинока и нежна. Блистательна и незамужна...
О, ты такою мне нужна,
и быть другой тебе не нужно!

Серебро и соль коллекции Дмитрия МИЗГУЛИНА

(Солонки. Коллекция Дмитрия Мизгулина. Альбом-каталог. – Тобольск. – 2012. Отпечатано в Италии, фирма «График». – Верона.)

Татьяна БЕРЕЗОВСКАЯ

Татьяна Анатольевна родилась в селе Радищево Ульяновской области. Закончила отделение журналистики Томского государственного университета. Работала корреспондентом газеты «Металлист», корреспондентом газеты «Вечерний Омск», главным специалистом пресс-центра департамента информационной политики администрации города Омска, главным редактором изданий «Вечерний Омск-Неделя», «Обозреватель. Вечерний Омск», «Третья столица».
В настоящее время – собственный корреспондент по Омской области в федеральных изданиях: «Лесная газета» и «Торговая газета», а также внештатный автор газеты Минтранспорта РФ «Транспорт России». Член Союза журналистов РФ с 1985 года. Лауреат многочисленных городских и региональных творческих конкурсов среди журналистов. Награждена Почётными грамотами Администрации Омской области и Союза журналистов России.
Живёт в г. Омске.

Филателисты, нумизматы, бонисты, фалеристы, филокартисты, филофонисты… У большинства коллекционеров, специализирующихся на собирании конкретных предметов и материалов, есть свой «профессиональный» термин, по которому сразу же можно определить круг их пристрастий и интересов. Даже те, кто собирает колокольчики, объединены в особую группу – кампанофилисты! Вот только для тех, кто среди множества любопытных вещей отдал предпочтение солонкам – да-да, обычным ёмкостям, в которые насыпают соль, чтобы поставить её на стол! – особого определения пока не нашлось. Однако это не мешает им заниматься не только пополнением «реестра» солонок, но и систематизацией коллекций, которые могут поведать немало интересного о событиях давно минувших лет, временах и нравах. Разумеется, при условии, что их коллекции не спрятаны за семью печатями и могут быть представлены публике – в музейных экспозициях, каталогах, на фотогалереях или видеопрезентациях

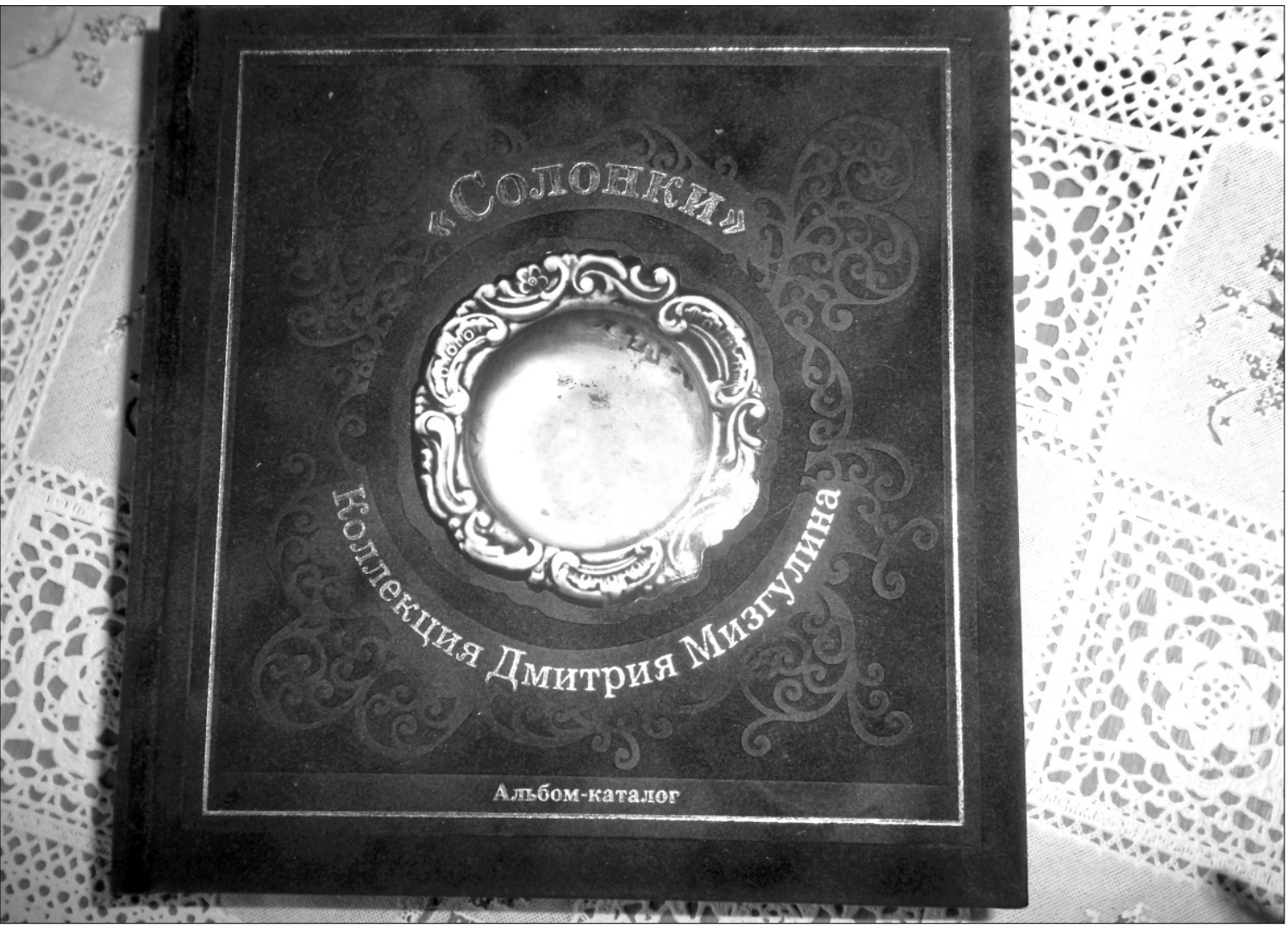
Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» издал великолепный альбом-каталог «***Солонки. Коллекция Дмитрия Мизгулина***». Это уникальное – и по содержанию, и по полиграфическому исполнению – издание адресовано не только историкам, научным работникам, ювелирам и *солонконистам* (назовем их так, коли это «коллекционное направление» покуда безымянно), но и всем тем, кто интересуется историей России, развитием русского серебряного дела.

О КАТАЛОГЕ

Каталог коллекции Мизгулина, насчитывающей свыше 200 произведений европейского, российского и советского ювелирного искусства XIX и XX веков, конечно же, требовал особого оформления, особой эстетики, созвучными благородным, изящным, оригинальным изделиям из серебра, фотографии которых и составили альбом. И, надо отдать должное издателям, – они прекрасно справились с этой непростой задачей. Фолиант «Солонки. Коллекция Дмитрия Мизгулина», отпечатанный в Италии, получился настоящим полиграфическим шедевром, достойным стать наравне с серебряными раритетами музейным экспонатом. Почти квадратный по размерам и с толщиной форзаца более 4 см – 545 страниц! – он обрамлён в тёмно-синюю бархатную обшивку с выдавленным орнаментом. На обложке, в тонкой серебряной рамке, вокруг изображения круглой солонки с затейливым узором по краю, легко прочитывается тиснённые серебром название коллекции и имя её собирателя.

Строго, элегантно, со вкусом.

Приятно взять в руки, провести ладонью по бархату и с трепетом открыть первую страницу… Потом вторую, третью… Пролистать иллюстрации. Но вот неожиданность: плотные глянцевые страницы с изображением солонок…чёрного цвета! Впрочем, секундное замешательство тотчас же сменяется восторгом: а на каком же ещё фоне, как не цвета ночи, можно оттенить и подчеркнуть благородную красоту и блеск старинных серебряных изделий? На каждое из них отведён разворот. На правой странице с изображением солонки для наглядности «пропечатаны» горизонтальная и вертикальная линейки, по которым можно без труда определить «габариты» коллекционного экземпляра. На левой странице даны краткие характеристики: дата и место



Обложка альбома-каталога.

изготовления солонки, имя мастера, изображение и описание авторского клейма, материал и способ изготовления, форма и художественные особенности изделия. Право слово, вёрстка и дизайн «иллюстративной» части каталога – безупречны. После беглого просмотра издания его уже не хочется выпускать из рук. Не терпится, удобно усевшись в кресло, «уйти» в него с головой. Просмотреть и прочитать всё, с самого начала…

Открывает каталог эссе известного книгоиздателя, фотохудожника и литератора-публициста, президента Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадия Елфимова «Символ верности и носитель святости», в котором он знакомит читателей с историей появления соли и солеварения на Руси, рассказывает о крупных соляных промыслах и известных российских солеварах.

Большой знаток истории Сибири, автор с особым пиететом описывает, как зарождалось солеварение за Уралом, как выросло рядом с соляным источником в Предбайкалье село Усолье (с 1940 года – город Усолье-Сибирское). Это местечко и по сей день считается «сибирской солонкой», обеспечивающей солью не одну Сибирь-матушку, но и Дальний Восток вкупе с Монголией.

Очень подробно Аркадий Елфимов объясняет, какое значение имела эта приправа к еде в жизни наших предков. Соль играла многогранную роль: и практическую, и обрядовую, символическую и даже философскую. В старину соль почиталась наравне с хлебом, была символом богатства, изобилия и гостеприимства, а также верности и дружбы. Не отсюда ли примета: рассыпать соль – к ссоре? Немало примет и житейских правил были связаны, помимо конкретно соли, и с солонками. Например, чем выше был статус человека в обществе, тем ближе к солонке ему разрешалось сесть.

О КОЛЛЕКЦИИ

У выдающегося русского поэта Виктора Бокова есть стихотворение «Соль»:

Помню, что соль
Мы всегда берегли,
Свято хранили
В красивой солонке.
Мы без неё
Даже дня не могли, –
Соль же
Так скромно
Стояла в сторонке!

В стародавние времена русские солонки изготавливались из различных материалов – берёсты, дерева,

глины, фарфора, стекла, металла… Это были красивые и удобные сосуды с ручками, крышечками и – фигурные, круглые, «угловатые». Резные, расписные, литые, чеканные…

Как пишет Аркадий Елфимов, очень часто солонки делались в форме утицы или лебедя, которые считались в народе символами счастья и семейного благополучия. Их многообразие вряд ли поддаётся учёту, но на особом счету, конечно же, были серебряные – такая посуда для соли дорогого стоила! В прямом и переносном смыслах, поскольку это были штучные ювелирные изделия из драгоценного металла, настоящие произведения искусства, которые ставились на погляденье всем в центре стола во время трапезы царственных особ и великих князей.

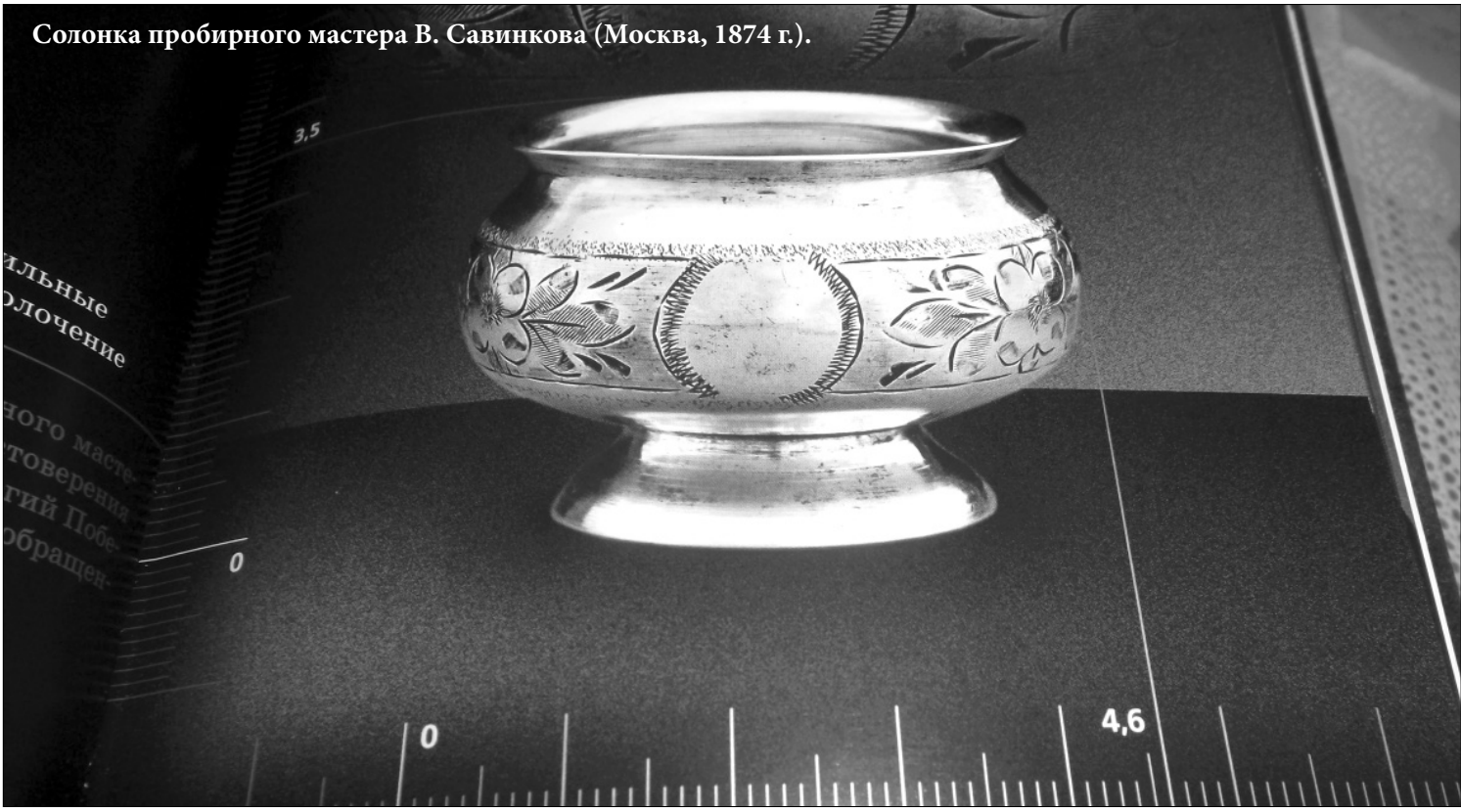
Обычным ремесленникам заниматься такой дорогой утварью было не с руки, только признанные мастера, имеющие собственные клейма, имели право браться за изготовление серебряных солонок. Эти предметы ювелиры в обязательном порядке предъявляли в пробирные учреждения, удостоверяющие меру (пробу) драгоценности металла.

О тонкостях клеймения, о том, какую информацию можно «прочитать» по клейму мастера или артели, а также об известных русских мастерах серебряного дела, их «почерках», классических стилях и «новых фасонах», характерных формах и украшениях солонок, поведала в альбоме-каталоге искусствовед Наталья Яковлева. Для неискушенных читателей и неспециалистов её научно-исследовательская работа «Солонки коллекции Дмитрия Мизгулина» – путеводитель по историческим местам и достопримечательностям. Она посвящает в такие «секреты», без которых вряд ли можно осознать истинную ценность и значимость коллекции солонок, собранных Дмитрием Мизгулиным.

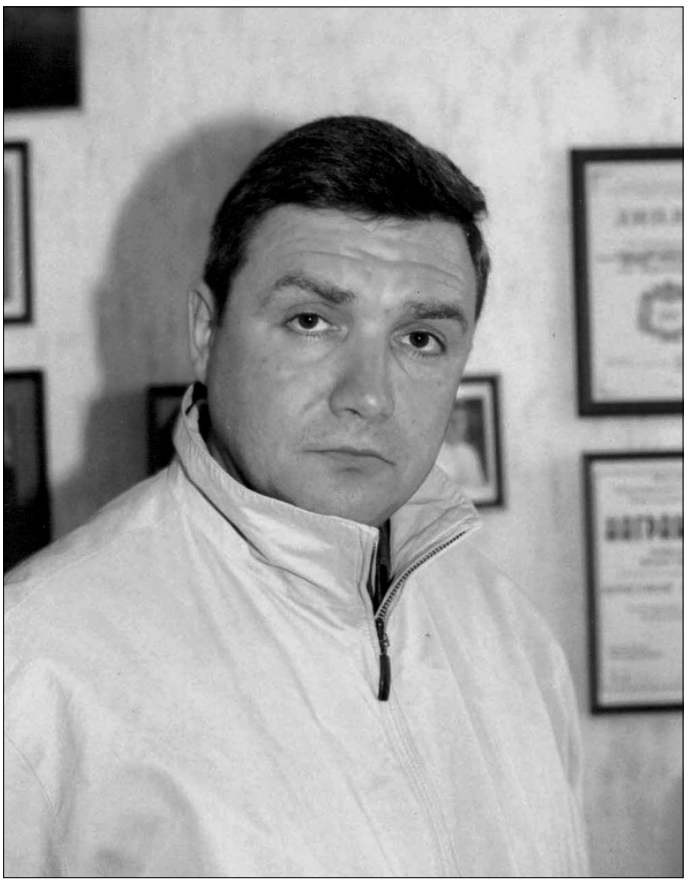
Из этой статьи можно, к примеру, узнать, что для русских серебряных изделий XIX века была характерна 84-я проба серебра, соответствующая современной – 875-й. На клейме рядом с инициалами пробирного мастера был обязателен (до 1899 года) герб города: в Москве – Георгий Победоносец, поражающий копьём дракона, в Санкт-Петербурге – два скрещеных якоря и скипетр… Примечательно, что в конце каталога читатели смогут найти уникальный справочный материал – «указатель пробирных клейм Российской империи, советских пробирных клейм, именников мастеров, клейм фабрик и фирм», по которым можно идентифицировать ювелирные изделия или, как выражаются специалисты, *атрибутировать*.

Серебряные солонки, созданные замечательными русскими ювелирами, не редко использовались в качестве подарка или сувенира, поэтому помимо клейма и традиционных надписей «Хлъб-соль», «Безъ соли безъ хлъба/ половина объда», на них гравировали инициалы владельцев, подписи дарителей, памятные даты, а ещё букву S – первую в слове «соль» в европейских языках: salt – английское, и salz – немецкое.

Коллекция солонок Дмитрия Мизгулина охватывает исторический период «длинною» более 150 лет – с начала XIX века до 1970-х годов недавно минувшего. Иллюстрации в каталоге (фотограф Евгений Лыкин) расположены в хронологическом порядке и распределены по трём разделам: Россия 1800 – 1917, Европа 1825 – 1900, СССР 1927 – 1972 годы. Первой открывает альбом самая почтенная по возрасту солонка – работа московского мастера 1809 года с монограммой IC, изготовленная в форме широкой лоханки с витой ручкой. Солонки с «московской пропиской», как отмечает Наталья Яковлева, составляют наиболее солидную часть коллекции Дмитрия Мизгулина.



Солонка пробирного мастера В. Савинкова (Москва, 1874 г.).



Поэт, коллекционер, банкир-меценат Дмитрий Мизгулин.

О СОЛОНКАХ

В каталоге представлены солонки, выполненные в различных стилях. Есть среди солонок, собранных Мизгулиным, работы мастеров в стиле *неорокко*. Например, солонка петербургского мастера К. Экквиста – овальная, с фигурными бортами, на высоком основании, выполненная в 1837 году. Немало в коллекции и предметов, которые относятся к так называемому «*русскому стилю*» с присущими ему «*народными*» формами – традиционным плетёным орнаментом и крупными цветами. Кстати, одной из таких форм для солонок была форма… чугунка.

В коллекции Мизгулина больше десятка солонок-чугунков, и каких! Скажем, есть среди них солонки фирмы И. Хлебникова – известнейшего московского купца 1-й гильдии, поставщика Высочайшего двора. Простые, казалось бы, по форме, они поражают своим богатым гравированным орнаментом. Как, например, солонка 1891 года, корпус которой украшает широкий «пояс» сложного геометрического плетения. Хотя чаще всего, судя по представленным в альбоме фотографиям, русские мастера выбирали для украшения рельефные и чернёные «*растительные*» узоры – в виде виноградной лозы, завитков, плетёнок, крупных цветов, «*прорисованных с ботанической точностью*».

Когда в начале 1900-х годов на смену русскому стилю пришёл модерн, поверхность серебряных солонок стала изобиловать вьющимися стеблями с бутонами и длинными волнистыми листьями. Как наглядные примеры такого пышного украшения – солонки фабрики Василия Сикачёва, мастеров С. Шапошникова, К. Князева и других.

Помимо солонок, изготовленных в форме широких чаш, горшочков, чугунков, бокалов, в коллекции Мизгулина есть редкостные, восхитительные по исполнению сосуды в виде резного трона со спинкой и сиденьем-крышкой на шарнире, а также солонки в виде изумительных ваз с тонкими ручками. Эффектно смотрятся серебряные солонки, края которых украшают пояски «жемчужника» – маленькие шарики, которые мастера «*рисовали*», используя фигурные вальцы. Стоит отметить, что в ювелирных артелях и на фабриках для изготовления высокохудожественной серебряной утвари применялись самые различные технические приёмы и способы обработки драгоценного металла: штампование, выдавливание, чеканка, золочение (при этом цвет золота мог быть красным, жёлтым, зелёным), гравирование, нанесение цветной эмали…

Богатейшая коллекция солонок Дмитрия Мизгулина даёт возможность увидеть, оценить, сравнить разные техники и качество изделий, виртуозность и художественный вкус мастеров серебряного дела, сопоставить лучшие образцы российских серебряников с западноевропейскими. К слову, самая ранняя зарубежная солонка в коллекции Мизгулина – это работа мюнхенского мастера Л. Волленвебера (1825 год) – солонка прямоугольной формы на узкой длинной ножке с выгравированной на корпусе буквой S с завитками.

Честно говоря, каждый коллекционный экземпляр, представленный в каталоге, – это, как говорится, *отдельная песня*. О любой из солонок можно рассказать занимательную историю. И не только о том, когда и где она была сделана, кому «обязана» своим появлением на свет и кому предназначалась. Но и о том, как она попала к нынешнему владельцу. Коллекционирование, как ни крути, занятие не из простых. И не сиюминутное. И собрание (без кавычек) солонок Дмитрия Мизгулина, безусловно, – явление неординарное, может быть, даже единственное на этом поприще. Как верно заметил автор вступительной статьи к каталогу Аркадий Елфимов, «*об этой коллекции должны знать все, в них наша история, наше, если хотите, русское мировоззрение, многовековой опыт народа*». Эта коллекция, по его мнению, уже давно заслуживает быть введённой в научный оборот. И с Аркадием Григорьевичем нельзя не согласиться. И хочется верить, что издание альбома-каталога «Солонки. Коллекция Дмитрия Мизгулина» позволит приблизить этот момент «узнавания» и повышенного интереса к «серебряному» собранию сосудов для соли.

Чтобы не растерять «осколки» прошлого. И чтобы не забыть о «*приметах минувшего быта*», как написал об авоське в «Балладе о хозяйственной сетке» один, прежде всего, из самых заметных современных русских поэтов и коллекционеров, а уж потом, полагаю, известный банкир и меценат, член Союза писателей России Дмитрий Мизгулин. И не случайно, думается мне, особое предпочтение в своей страсти к коллекционированию он отдаёт именно солонкам. Очень уж поэтическое его творчество близко по духу творчеству тоже сибиряка – великого русского поэта Павла Васильева. Вспомните хотя бы его поэму «Соляной бунт».

Духовные основы русского искусства

Благотворительный фонд преподобного Серафима Саровского создан по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II в апреле 2005 года. В рамках фонда действует Международный открытый грантовый конкурс «Православная инициатива». Он проводится Координационным комитетом по поощрению социальных, образовательных, информационных, культурных и иных инициатив под эгидой Русской Православной Церкви по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на всей канонической территории Московского Патриархата. Конкурс дает возможность людям не ждать решения проблем сверху, а самим начать действовать, возрождая Россию на основе православных традиций.

Православная вера призвана спасать людей, делать их жизнь лучше, чище и светлей. А это невозможно без прочного духовно-нравственного стержня.

В 2012 г. отдел культуры Хабаровской епархии выиграл грант международного конкурса «Православная инициатива-2012» Благотворительного фонда преподобного Серафима Саровского на реализацию проекта «Культурно-просветительский лекторий "Духовные основы русского искусства"».

Целью проекта стало приобщение жителей отдаленных районов Хабаровского края к духовной основе русской культуры – Православию; повышение общего культурного уровня населения через организацию цикла лекций, которые будут прочитаны высокопрофессиональными представителями православно-ориентированной творческой интеллигенции центра России в области литературы, живописи, иконописи, кинематографа, музыки.

Все циклы лекций выездного культурно-просветительского лектория «Духовные основы русской культуры» призваны дать слушателю стройную систему знаний в области классической и современной русской культуры, базирующейся на православной духовной основе.

В течение шести месяцев в девяти населённых пунктах края – г. Советская Гавань, п. Ванино, п. Заветы Ильича, г. Комсомольск-на-Амуре, г. Амурск, г. Бикин, г. Вяземский, п. Переяславка и г. Хабаровск шесть привлечённых из Москвы лекторов прочитают не менее шестидесяти лекций.

Одновременно жители отдалённых уголков Хабаровского края познакомятся с фотоработами прихожан хабаровских храмов – фотовыставками «По дорогам Божьего мира», «Мы вместе», которые расскажут о паломнических поездках, семьях прихожан и традиционных семейных ценностях.

На каждой встрече будут представлены новинки православной печатной, аудио и видео продукции.

Проект осуществляется при поддержке министерства культуры Хабаровского края, администрации Советско-Гаванского района Хабаровского края, общероссийского журнала «Наш современник», настоятелей храмов и приходов, информационного и образовательного отделов Хабаровской епархии, Хабаровской духовной семинарии, Амурской епархии Русской Православной Церкви, Амурского гуманитарно-педагогического университета (г. Комсомольск-на-Амуре)

Мы объединяем общие усилия в стремлении познать прекрасный мир, имя которому – православная культура!

План мероприятий в рамках конкурса «Православная инициатива-2012»

Июнь. «*Тайны великой красоты музыки*». Рассказ о русской музыке как явлении православной цивилизации на примерах творчества великих русских композиторов. Читает доктор искусствоведения, профессор

Московской консерватории, Заслуженный деятель искусств РФ, член Союза композиторов РФ В.В. Медушевский.

Сентябрь. *«Духовные основы русской литературы»*. Знакомство слушателей с литературной деятельностью журнала «Наш современник» и его значением в современной литературной жизни как связующей нити литературных эпох; рассказ о творчестве русских поэтов и писателей рубежа XIX-XXвв. Читает заведующий отделом культуры всероссийского литературно-публицистического журнала "Наш современник" , член Союза писателей России С.С. Куняев.

Октябрь. *«Духовный поиск отечественного кинематографа»*. Цикл освещает проблему духовного поиска в области кинематографии на примере творчества В. Шукшина, А. Тарковского, знакомит с современным документальным кинематографом. Читает доктор искусствоведения, член Союза кинематографистов РФ, киновед Н.И. Гращенкова.

Жителям Хабаровского края рассказали о роли библейских сюжетов в творчестве великих русских художников XVIII-XIX вв.

С 10 по 19 мая в Хабаровском крае был проведён третий цикл лекций культурно-просветительского лектория «Духовные основы русской культуры», организованного отделом культуры Хабаровской епархии (руководитель – **Тамара Ивановна Яроцкая**). Цикл «Библейские и евангельские сюжеты в русской живописи XVIII-XIX вв. Из собрания Государственной Третьяковской галереи», читала старший научный сотрудник научно-просветительского отдела Государственной Третьяковской галереи В.В. Донец.

В поездках лектора сопровождала передвижная выставка фоторабот прихожан Хабаровских храмов «По дорогам Божьего мира», подготовленная отделом культуры епархии в рамках грантового проекта. Фотовыставка вызвала большой интерес у слушателей. По просьбе настоятеля Свято-Никольского прихода (г. Вяземский) иерея Георгия Ибрагимова выставка оставлена на десять дней для показа в близлежащих приходах.

Лекцию читает сотрудник Государственной Третьяковской галереи Вера Всеволодовна ДОНЕЦ.

Фрагмент фотовыставки «По дорогам Божьего мира».

Лекцию открыла сотрудница центральной районой библиотеки г. Бикина.

Среди слушателей лекции – настоятель храма в честь иконы Казанской Божией Матери отец Константин(Насин).

Фото Владимира КОСТЫЛЕВА, г. Арсеньев

Почти детективная история

Всё началось с того, что у Петрухиной пропал мобильный телефон. Вообще-то, мобильные телефоны запрещают приносить в школу, но этот запрет не все исполняют, просто отключая его на время урока.

На перемене Петрухина позвонила маме, похвастаться очередной пятёркой, потом её кто-то отвлёк. Когда же перемена кончилась, она вспомнила, что не отключила мобильник, но его на месте не оказалось. Следующим уроком в шестом «Б» классе шёл урок географии. Николай Степанович уже вошёл в класс, когда Петрухина вместо «здравствуйте» объявила: «У меня украли сотовый». На мгновение наступила такая тишина, какой никогда не бывает на географии. Николай Степанович сразу понял, что урок пропал.

– Леночка, успокойся, и расскажи по порядку, что случилось.

Петрухина была красивая девочка, причём знала об этом и старалась, чтобы ею всегда восхищались. Сейчас она еле сдерживалась, чтобы не расплакаться, потому что покраснеют глаза, распухнет нос, и она предстанет перед окружающими не в лучшем виде. Проглотив ком в горле, она начала рассказывать, как позвонила маме, причём очень подробно, старательно подчёркивая словами какая она умница и отличница.

– После разговора меня кто-то отвлёк, я даже не могу вспомнить кто – на переменах всегда очень шумно. Видимо, я оставила его на парте, а сейчас его нет. Я уже и в портфеле всё перерыла и под партой посмотрела – он исчез.

Николай Степанович, весёлый добродушный человек, не мог поверить, что это происшествие не чей-то розыгрыш.

– Ребята, если кто решил подшутить над Петрухиной, считайте, что шутка не удалась. Сейчас же отдайте телефон и начнём урок.

Никто не шевельнулся. Николай Степанович начал сердиться:

– Вы что, не понимаете? Телефон – дорогая вещь. По сути, и по закону я прямо сейчас должен вызвать в класс директора школы и милицию. Вы этого хотите?

Насчёт директора школы желания не возникало ни у кого, а вот упоминание о милиции вызвало интересный ажиотаж: все зашевелились, зашептались, предвкушая интересное развитие этого происшествия.

Вдруг Колька Рябинкин предложил:

– А давайте позвоним на него и сразу узнаем, какая ворона сыр съела.

Все зашумели одновременно, как, мол, мы сразу не догадались. Начали извлекать свои сотовые, спрашивать у Петрухиной её номер. Шум поднялся такой, что в класс заглянула завуч Раиса Ивановна.

– Николай Степанович, у вас всё в порядке? – и по его растерянному взгляду поняла, что надо вмешаться. Пока ей всё объясняли, перебивая друг друга, запел телефон голосом Димы Билана.

Наступила тишина. Все начали оглядываться, чтобы понять, откуда идёт звук. Наконец все взгляды остановились на Танечке Лопатиной. Зуммер раздавался из её портфеля.

– Это мой телефон поёт, – заявила Петрухина. – Вот так тихоня! Удивила, так удивила! Так ты воровка?

Раиса Ивановна не могла позволить, чтобы разговор происходил независимо от её присутствия. Она обратилась к Танечке голосом, который ничего хорошего не предвещал:

Людмила БЕРЕСТОВА

Людмила Петровна родилась в 1951 г. в Октябрьском районе Приморского края. Окончила фармацевтическое отделение Владивостокского медицинского училища. Автор книг «Заблудившаяся лягушка», «Ябеда-корябеда», «Неограниченные возможности». Печаталась в дальневосточном ежегоднике «Сихотэ-Алинь», в ежемесячниках «Лукоморье», «Литературный меридиан», в газете «На берегах Уссури». Активный участник и меценат Дней славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке. Живёт в городе Лесозаводске Приморского края.

– Лопатина, тебе не кажется, что надо объясниться. Как оказался телефон Петрухиной в твоём портфеле, и как тебе пришла в голову мысль сорвать урок таким образом?

Танечка Лопатина не могла отвечать. На её лице вместо рта, губ, носа остались только глаза, которые так расширились, что заняли все остальные места. Она стояла и жала плечами, а также мотала головой, показывая, что понятия не имеет.

– Ну, вот что!- Раиса Ивановна всегда отличалась решительностью. – Лопатина, отдай телефон Петрухиной, собирай вещи и пошли к директору. Такие поступки нельзя оставлять без разбирательства. А вы, Николай Степанович, продолжайте урок, – и с чувством выполненного долга она направилась к двери.

Танечка, выполнив приказание, поплелась за ней, ещё до конца не поняв, что с ней произошло. В классе стояла тишина. Никто не встал на её защиту. Только подруга Олька Веселова сказала: «Это какая-то нелепая ошибка…».

Танечка Лопатина была больше чем на год младше своих одноклассников. Она в пять лет уже могла бегло читать и складывала в уме двузначные цифры. Родители, видя в своём ребёнке будущего гения, отдали её в школу, когда ей ещё не исполнилось шести лет. Одноклассники относились к ней снисходительно, как к младшей сестре, но, если требовалось, вставали на её защиту. Многим даже нравилось защищать хрупкую тихоню низенького роста. Училась Таня, естественно, хорошо, но никогда не задавалась, как, например, Петрухина. Всегда могла дать списать или объяснить непонятное правило. Поэтому сегодняшнее происшествие всех повергло в ступор. Продолжить урок не получилось. Все шептались, оглядывались, то есть продолжали обсуждать случившееся.

Николай Степанович махнул рукой и распустил всех по домам, благо география оказалась последним уроком.

Олька Веселова выскочила из класса вперёд всех и помчалась на третий этаж к кабинету директора, но наткнулась на Раису Ивановну.

– Веселова, иди домой. Ты пока здесь не нужна. Вызвали родителей Тани. Она с ними домой поедет.

Оля, понурившись, пошла вниз. Она ни на одно мгновение не поверила, что Таня могла это сделать. Ощущая вину перед Таней, она переживала, что вовремя не встала на её защиту.

Вечером Олька позвонила Лопатиным. Телефон взяла Танина мама.

– Вера Ивановна, добрый вечер. Позовите, пожалуйста, Таню к телефону.

– Это ты, Оля? Добрый вечер, хотя, какой он добрый. Таню не могу позвать, она плохо себя чувствует и не хочет ни с кем разговаривать, извини.

Послышались гудки, и Ольке стало на душе ещё противнее.

На следующий день Танечка не пришла в школу. Олька поглядывала на своих одноклассников, пытаясь понять, волнует ли их Танино отсутствие. Все выглядели более или менее спокойными. Но ведь кто-то же это сделал? Она начала вглядываться в лица ребят более внимательно. Кто? Петрухина вела себя немного нервно и тоже поглядывала в сторону Веселовой. Может, она хотела спросить у неё про Таню – подруги всё-таки, но не решалась. Олька перевела взгляд на Кольку Рябинкина. Вот кто никогда и ни по какому поводу не переживает. Стриженная голова, на которой уши живут отдельной жизнью. Уши у Рябинкина являются его достопримечательностью. Если бы Рябинкин был индейцем, его непременно прозвали бы Чутким Ухом. Он никогда не учит уроки, но, благодаря своим ушам, прекрасно справляется на подсказках. Он слышит подсказки с заднего ряда, стоя у доски. Своего ума маловато – пользуется за счёт других. Интересно, он сам придумал позвонить на телефон или услышал чьи-то мысли вслух? Олька решительно подошла к Рябинкину.

– Коля, как ты думаешь, могла Танечка украсть телефон?

Колька растерянно заморгал. Своим мнением он никогда не блистал.

– Так, а чё. У неё ж нашли.

– Нашли то нашли. Но ведь кто-то мог просто подкинуть.

– Зачем?

– Знать бы, зачем и вопросы бы не возникли.

– А ты, что, решила расследованием заняться? Как Пуаро в кино?

– Дурачок ты. Пуаро – это мужчина, детектив, а я просто подруга. Друзей надо из беды выручать. Ты не мог бы вспомнить, кто тебе подсказал, что нужно позвонить на телефон?

– Да сзади кто-то шептал, – промямлил Рябинкин, но вовремя спохватился. – Да я и сам так подумал, я, что сам не могу догадаться?

– Да, конечно, мог бы, – успокоила его Олька. Она не хотела с ним ссориться, пока не выяснит всё до конца.

– А кто шептал? Ты, что, не разобрал? У тебя же идеальный слух.

– Это или Сидорова или Дёмина. У них шёпот одинаковый, сразу не различишь. А зачем тебе? – ещё раз спросил Колька.

– Да так. Просто восстанавливаю картину преступления.

– Ну, ты даёшь. Преступление. Вот если б убийство какое…

– Типун тебе на язык, как говорит моя бабушка.

Олька отошла от Кольки, начался урок. Весь день она была как раздвоенная. Одна её половинка активно занималась на уроках, а другая – думала о Танечке.

После уроков Олька отправилась к Лопатиным. Дверь открыла Танечка, значит она дома одна. Лицо у Танечки осунулось, и она стала похожа на сухонькую старушку. Оля просто физически почувствовала, как страдает Таня от несправедливого обвинения и слёзы сами закапали из глаз. Они обнялись и заревели в голос. Вдоволь наплакавшись, девчонки уселись пить чай.

– Знаешь, Олька, я больше в эту школу не пойду.

Попросила маму перевести меня в тридцать вторую, ну, ту, что с углублённым английским, – Танечка горестно вздохнула. –

Хоть и далековато, но мы с мамой уже разработали маршрут.

– Тань, ты чего? Какая другая школа? Ведь никто и не верит, что это ты взяла. Вот, твои мама с папой тебе верят? Так и мы все.

– Да нет, не все. Все промолчали. Мне так стыдно и обидно! Как вспомню, какие недоумённые глаза были у Костика – так реветь начинаю.

– Это, у какого Костика? Причём здесь Костик? Почему я, твоя лучшая подруга, ничего не знаю про Костика?

– Да всё так быстро случилось. Я хотела тебе после уроков рассказать, да не успела. Костик Богданов мне давно нравился, но он на меня никогда внимания не обращал, а на прошлой неделе подошёл и предложил домой проводить. Он ведь с Дёминой дружил, я удивилась и напрямую у него об этом спросила. Он сказал, что ему с ней не интересно, а со мной интересно, хотя он раньше меня считал малявкой.

– Таня, – задумчиво протянула Олька, – а тебе самой не хочется понять, откуда у тебя в портфеле оказался «мобильник» Петрухиной?

– Конечно! Я уже столько об этом думала! И с мамой пытались проработать разные варианты, но что-то не срастается.

Олька сузила глаза и голосом опытного сыщика спросила:

– А у тебя есть в классе враги? Может явные или тайные?

– Оля, какие враги? Ну, что ты чушь городишь!

– А то, что этот самый телефон тебе могли специально подбросить, чтобы репутацию очернить, – Олька восторженно закончила речь и с довольным видом наблюдала за реакцией подруги.

– Зачем меня чернить? Оля, ты какая-то странная сегодня.

– Зачем, зачем! Я, пока не услышала про Костика, тоже думала, зачем. А теперь уверена, это всё Дёмина провернула, чтобы Костик перестал тебя уважать и к ней вернулся. Я ведь сегодня в классе незаметное расследование проводила. Так Колька Рябинкин сразу сказал, что ему Дёмина подсказала позвонить на телефон и узнать, у кого он находится. Все молчали, а ей не терпелось мнимого воришку на чистую воду при всех вывести, то есть при Костике. Самой ей рисоваться не резон, так она Рябинкину нашептала.

Олька, довольная своими умозаключениями, победно смотрела на подругу. А Танечка с сомнением качала головой.

– Очень уж всё сложно. Да и доказать это невозможно. Собственно, доказывать я ничего не собираюсь. Это будет выглядеть как оправдание, а мне не в чем оправдываться. – Танечка с возмущением вскочила из-за стола и подошла к окну.

Олька, ожидавшая от подруги кучу благодарностей за приведённый расклад, растерянно замолчала. А Танечка с интересом, вытянув шею, стала смотреть в окно, потом слегка помахала кому-то рукой.

Оля тоже подошла к окну и увидела внизу Костика Богданова. Он сидел на качелях и махал рукой, приглашая вместе покататься на качелях.

– А, что, подруга, не киснуть же дома, если человек пришёл и зовёт погулять. Да и проветришься заодно, уже сутки дома сидишь, – Оля опять начала проявлять активную деятельность, боясь, что Танечка откажется.

– Да не знаю. Как-то не удобно… Я не могу…

– Таня, возьми себя в руки. Пойдём, погуляем. Заодно и отношения выясним. А то – «школу поменяю», совсем ненормальная.

Девчонки оделись и вышли на улицу. Костик поднялся с качелей:

– Привет, Танюха! Говорят, ты заболела. Видок у тебя какой-то бледный. Надо побольше на свежем воздухе гулять, кислородом дышать. Пойдёмте в парк, там сегодня соревнования скейтбордистов.

– Ой, я не могу, – разочарованно и немного наигранно сказала Олька. – Я ещё дома не появлялась, мама станет волноваться. А ты, Танечка, сходи. Потом мне расскажешь – как там было.

Олька весело подмигнула Танечке и побежала домой, размахивая портфелем.

Утром Олька почти опоздала на урок, забежала в класс одновременно с учительницей. Танечка сидела на своём месте и тихонько улыбалась Ольке:

– Ты почему опоздала? Ты же всё пропустила! Но потом, потом, – сказала она, увидев недовольный взгляд учительницы.

На перемене они уединились под лестницу и Танечка рассказала, как закончилась эта история. Оказывается, Костик сразу обо всём догадался. И как только позавчера всех отпустили по домам, догнал Дёмину и сказал ей всё, что о ней думает, а также посоветовал ей извиниться перед Таней. А если не извинится, то об этой истории, со всеми подробностями, узнает вся школа. Сегодня утром Дёмина подошла и извинилась, сказав, что это она неудачно пошутила.

– Олька! Как я рада, что у меня такие друзья! – Танечка обняла подругу.

– Эх, дурёха! А может, передумаешь, и переведёшься в английскую школу? Что, зря с мамой маршрут разрабатывали? – Олька хитро улыбнулась.

Девчонки рассмеялись и побежали в класс.

Рисунок неизвестного автора.

Двое

/Отрывок из рассказа/

Жанна РАЙГОРОДСКАЯ

Жанна Ивановна окончила Иркутский государственный педагогический институт по специальности «Олигофренопедагогика и логопедия». 5 лет работала в Иркутске учителем начальных классов выравнивания, 12 лет – логопедом в начальной школе, 2 года – воспитателем в интернате для слепых и слабовидящих детей. Публикровалась в журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Дальний Восток» (Хабаровск), «За семью печатями» (Москва), «Литературный меридиан» (Арсеньев), «Полдень. 21 век» (Петербург).
Участник 3 и 4 Форумов молодых писателей в «Липках». Живёт в Иркутске.

Стояло дождливое петербургское лето 1864 года.

Когда фельдшер Глеб Звонарёв решился идти через парк – отчасти чтобы сократить путь, отчасти чтобы подышать свежим воздухом – тучи уже набухали, как тесто в квашне, но такого ливня Глеб не ожидал. Впрочем, ему уже всё было едино. Несколько лет назад прибыл он в северную столицу и поступил сперва в железнодорожный институт, затем понял, что это не его стезя и пошёл в военно-медицинскую академию. За год до получения диплома в Иркутске умер отец, и наступила, как выражались студиозусы, карманная чахотка. Глеб сдал экзамен на фельдшера, устроился в одну из питерских лечебниц, но не проработал и года. Фельдшер заметил, что больных худо кормят, и пошёл советоваться с начальством. Те покивали, обещали разобраться. А через пару дней во время Глебова дежурства умер пациент. Глеб думал на сердце, а во рту у покойного обнаружилась кровь, значит, произошло прободение язвы желудка. Глебу велели немедленно увольняться, хотя другим, по слухам, такое сходило с рук…

Ежась от холода и дрожа от ярости на весь Петербург, Глеб не заметил, как сбился с мощёной дорожки и по боковой тропке неожиданно для себя вышёл к деревянной беседке. С крыши уже ливмя лило.

Внутри ажурной конструкции сидела барышня и плакала. Глеб остановился, кашлянул и сказал:

– Сударыня… Вы простынете.

Девушка махнула рукой с таким видом, что, казалось, ей всё равно – простыть или утопиться. Рука у ней была впечатляюще тонкая, да сама она казалась статуэткой – в серо-голубом платье, хрупкая, светлая, воздушная… В точёных ушах незнакомки Глеб заметил серьги – серебряные с бирюзой, а на руке – такое же колечко. Обручального кольца не было.

Глеб присел на скамейку рядом и осведомился:

– Может, я смогу вам помочь? Что произошло?

Девица помотала головкой.

– Нет. У вас не получится.

Барышня говорила с польским акцентом. Фельдшер показал рукой на запад.

– Вы… оттуда?

Девушка кивнула.

– А в Петербурге как оказались?

Незнакомка закрыла лицо руками. Глеб вздрогнул. То, что он знал из газет – и то, поди, в перевранном виде!.. – могло быть для этой женщины ещё не заживший ожогом.

Может статься, барышня подглядывала сквозь ресницы, потому как, увидев почти испуганное лицо встречного, отняла руки и улыбнулась.

– Вы, кажется, неплохой человек. Но сделать вы ничего не сможете.

– Конечно, не смогу, пока ничего не знаю.

– Да я… Как бы сказать… военная добыча.

– Чья?! – оторопел Глеб.

– Генерала М.

– Это он вас и довёл? – с народно-медицинской прямотой брякнул фельдшер.

Девушка закрыла лицо платком и закивала.

– Он меня дорогим вином поит да икрой кормит… А у меня потом целыми днями горько во рту. Я говорю ему, а он не верит. Говорит, что я кривляюсь, что я избалованная, что он научит меня послушанию… – незнакомка всхлипнула.

– А-а, – протянул Глеб. – У нас же крепостное право было. Отсюда и пошло: кто заболел, тот виноват, тот лентяй, притворяется.

Барышня застенчиво улыбнулась.

– В Польше то же самое.

– Слушайте… Но зачем он вас спаивает?

– Зачем! – саркастически протянула полячка. – Да разве трезвая рабыня обслужит хозяина так, как пьяная!..

…Барбара и сама не знала, почему так откровенно беседует с незнакомцем. Быть может, она слишком долго молчала. Да и… первый раз с момента пленения с нею говорили по-человечески. Неужели она, полуживая, втоптанная в грязь, ещё может кому-то нравиться?..

– Вот скотина! – рявкнул Глеб. Барбару совсем не покоробили его манеры. – У вас печень не в порядке! И желудок задет! Вам надо срочно садиться на диету!..

– Знаю, – всхлипнула барышня, – я была сестрой милосердия… Пытаюсь объяснить что-то хозяину, а у него один ответ: ты невоспитанная, ты донельзя разбалованная, ешь, что дают, надо уметь считаться с другими людьми!..

– Лекаря звали?

– Во-первых, на лекаря нужны деньги, а хозяин не даст. Во-вторых, лекарь скажет – садись на диету, а кто мне диету обеспечит? Проще на улицу выкинуть…

– Да-а, – протянул Глеб. – Крепенько же потоптали этого гада, прежде чем до генерала дополз… Может, вам в костёле помощи попросить?

– Я… стесняюсь, – барышня закрыла лицо руками. – Я же падшая…

– Бросьте маяться блажью, а!..

– Потом… Этого человека и русские-то боятся. А поляки сейчас вообще раздавлены. И ещё… Я не очень-то верующая… Потому что… Если есть Бог… Зачем он… До такого доводит?!..

– То есть для вас просить помощи в костёле значит себя потерять?

– Как вы догадались?

– Сам такой же. Слушайте… Этот человек… стал бы искать вас… в Иркутске?

Девушка широко открыла глаза – огромные, серо-зелёные, как уральский камень змеевик.

– В Сибири?!..

– Да я как раз туда собираюсь. Поехали? Надоел мне Петербург не меньше, чем вам.

– Почему?

Глеб поведал незнакомке свою историю. И присовокупил:

– В Иркутске много ваших земляков. Ежели разбежимся, не пропадёте. А вот как добираться… По мне, так единый выход – венчаться. Иначе взятки начнут вымогать на каждом шагу, а денег у меня негусто. Привяжутся, кто мы, почему вместе едем…

– Слушайте… Как вас зовут?

– Звонарёв Глеб Георгиевич. А вас?

– Барбара. Мы же разных вер!..

– Придётся вам принять Православие. Я в католичество не пойду, сразу говорю.

– Вы не понимаете, Глеб… Это предательство!..

Глеб достал трубку и нервно закурил.

– Варя, вы сами себя послушайте. В костёл идти – себя потерять. Веру менять – то же самое. Вы запутались, вот и всё. У тех, кто сидит наверху, на то и расчёт – запутать людей и натравить друг на друга. Так что – либо вы подчиняетесь, либо я не смогу помочь.

Конечно, Барбара могла ответить – критиковал овин баню, и была бы совершенно права. Но девушка догадывалась, чем сия перепалка может закончиться. Оставалось надеяться, высоким слогом говоря, что за борт её судна зацепился мостик дружбы, а не абордажный багор.

– Но что я скажу своим в Сибири?

– То, что есть. Сибиряки ко всему привычные, в том числе и поляки. И женщин там мало. Не пропадёте.

– Глеб… А мы поедем… Как брат и сестра?

Глеб молчал, курил и глядел на носки своих сапог. Барбара ждала. Если бы ей годом ранее показали эту сцену на экране волшебного фонаря, полячка пришла бы в ужас. А сейчас дракон враждебной религии подлетел вплотную и готовился её проглотить. Сил на сопротивление не было. Езус-Мария!.. Через что проходили её предки – и как мало оказалось надо ей!.. Жестокий хозяин плюс желудочно-печёночная болячка – и готово, пропала личность. Знали бы товарищи по оружию!.. Хотя… Пожалуй, сейчас они, бредущие в кандалах с запада на восток, поедаемые заживо комарами и мошкой, отлично бы её поняли. Одно дело – находиться между жизнью и смертью на войне и совсем другое дело – на каторге. Кандалы да комары ох, как силы высасывают…

«Да против смены религии прелюбодеяние с иноверцем или с кем – вообще птичий грех», – подумала Барбара. Глеб не вызывал у неё ни страха, ни отвращения. Нервный, конечно, крикливый… Не особенно красивый – лопоухий, щекастый… Тёмные волосы на пробор расчёсаны – приказчик приказчиком… Слава Богу, хоть побриться догадался, даром что у русских в моде бородки… Вряд ли он из дворян… Зато хоть понимает, что с ней, с Барбарой, происходит. Похоже, он и в постели останется человеком, а не обратится в скота, как это часто бывает с ханжами. Пожалуй, можно подарить ему себя, а там посмотрим, кто кого…

В конце концов! Кому нужны сорванные, растоптанные цветы? А этот, кажется, всерьёз собрался её спасать… Он явно не из тех, кто попользуется и выгонит. Слишком уж честно себя ведёт…

Правая рука Глеба держала носогрейку, а левая лежала на колене. И Барбаре вдруг захотелось припасть

губами к его смуглой шершавой руке, зашивавшей операционные швы и принимавшей роды…

О Езус, это ещё что?!.. Неужели в её честный шляхетский род исподтишка пролезла пара-тройка холопов?.. Или кто-то когда-то дворянство купил?..

Глеб вынул трубку изо рта и заговорил.

– Ох, Варя… Боюсь, из этого мало что выйдет. Я так люблю женщин!..

Барбара уже прикинула, какую будет вести игру. Она пыталась шутить, кокетничать, но голос срывался и предавал её.

– До Иркутска-то довезёте? На полдороге не бросите? А если новую встретите?

– Ну уж! – рявкнул Глеб. – Когда я ставлю себе задачу, я её выполняю!..

– А вы… не попытаетесь… сделать меня матерью… по дороге?

– Я полагаю, это совсем ни к чему, – серьёзно ответил Глеб. – Во-первых, вдруг мы правда доедем до Иркутска и разбежимся. Во-вторых, не знаю, вернётся ли к вам здоровье вообще… Но месяца три вы должны посидеть на диете. Тогда организм худо-бедно оправится. А насчёт детей… разные есть способы…

– Это какие? – вздрогнула Барбара.

– Ну, какие… Прерваться на середине, к примеру…

Барбара облегчённо вздохнула. Да, этот человек правда умел считаться с другими. Мечта генерала М.

Разговор миновал опасный поворот и вошёл в более спокойное русло.

– Варя, вы умеете готовить?

– Нет, – сказала дворянка и всхлипнула.

– А под моим чутким руководством научитесь?

– Наверное, – Барбара улыбнулась сквозь слёзы.

– Вам же особые блюда нужны. Острого, жареного и жирного нельзя. Вина нельзя, водку только по праздникам…

– Наверное, мне вообще пить нельзя, – вздохнула полячка.

– Вот и ладно. По-хорошему, вам бы переодеться… И теплее будет, и найти труднее. Но полностью переодеть вас у меня казны не хватит. Может, плащ купим или шаль?

Девушка кивнула. Как ни странно, предложение убедило её в серьёзных намерениях собеседника.

– Шаль, если можно. И лицо смогу ею закрыть.

– Отлично. А потом на извозчика – и помчим. Может, я на вашу шаль ещё свой сюртук накину. Поди разбери, кто внутри. Или… сейчас вас прикрыть?..

– Если можно, Глеб, – улыбнулась Барбара. Похоже, этот крикливый плебей действительно желал ей добра. Вот только надолго ли его хватит?

– Пока поедем к моим друзьям. К себе я вас не приглашаю – снимаю комнату, хозяйка не позволяет водить гостей. Она и донести может. Потом съезжу за вещами. Идёмте.

Глеб подал Барбаре свой сюртук, затем подал руку и оба быстрым шагом направились к выходу из парка. На проспекте из-за дождя прохожих было негусто, поэтому никого и не удивила спешка промокшей незадачливой парочки...

Поэзия

Дмитрий СОСНОВ,
г. Омск.

Банное

Веник свежий, берёзовый –
Постарался отец!
И тоска горько-слёзная
Отошла наконец

От души. На замену ей
Пар вдохнул – благодать,
Чтоб потом вдохновеннее
Получалось писать.

Дух берёзы – целительный!
Дух берёзы – святой!
Бани русской ценители
Солидарны со мной.

И приятно потом уже
Посидеть, покурить.
И о чём-то достойнейшем
Не спеша говорить.

Хорошо, что случаются
Дни такие порой.
Можно сильно отчаяться
В суете городской.

Ну, а баня в деревне-то
Помогает всегда
Сделать снова напевнее
Поэтический дар.

…Веник свежий, берёзовый,
Благодать, благодать…
Невозможно здесь прозою
Говорить и писать.

* * *

Трудно быть пророками в Отечестве,
Трудно быть Отечеству в пророке –
Он ведь знает, что оно излечится,
А оно в его не верит строки.

И попробуй что-то докажи –
Не поверят только потому лишь,
Что считают – прожитая жизнь
Мудрецу всегда покажет кукиш.

Мол, не накупил машин «крутых»,
Ну и соболей – родным на плечи! –
А ему не нужно благ земных,
Он небесным царствием отмечен.

Искатели счастья

Анна ШАЙДУРОВА,
г. Омск.

/Сказка для взрослых/

На острове Скука жила прекрасная девушка. Ее звали Элизабет. Красоты она была необычайной. Редко где встретишь такие прекрасные, чистые, как озера, голубые глаза, льняные волосы цвета золота, нежную бархатистую кожу.

Девушка походила на цветок лотоса. Однако этот цветок мог запросто погибнуть в грубых руках, а потому красавица старалась всячески избежать общения с неугодными ей женихами. А неугодными ей казались все.

Не находилось на острове Скука для нее ни одного приличного жениха. Все сплошь какие-то страшные и старые мужланы, которые не имели ни малейшего представления о том, что такое чистые, светлые чувства.

И вот решила Элизабет отправиться в дальнее странствие на поиски своего счастья.

Там, на другой стороне океана, располагался остров Карнавал. Так местные жители его прозвали между собой. И не случайно, потому как на том острове постоянно взрывались фейерверки и огненные хлопушки.

Это красочное шоу могли наблюдать со своего острова и скукочане.

«Должно быть, там не жизнь, а сплошной праздник», – вздыхали жители, однако, никто не отваживался посетить этот остров.

«Нас там никто не ждет», – резонно замечал правитель острова Скука, и люди с ним соглашались.

Одна лишь Элизабет думала иначе. Остров счастья так и манил ее. А потому одним прекрасным утром собрала она свою котомку и отправилась в дальнее плавание.

Между тем на острове Карнавал в этот момент собирался в дальний путь молодой человек, который, будучи предпринимателем, устал от того, что вся его жизнь вертится вокруг денег. Даже на вечеринках молодые девушки подходили к нему только лишь потому, что он был богатым мужчиной.

«А если бы не знали, что я богат, подошли бы они ко мне?» – думал он всякий раз.

И вот решил Кристиан отправиться в дальний путь, туда, где никто не знает о его богатстве.

Отыскал он старые вещи, почти лохмотья, и отправился в дальний путь без единого гроша в кармане.

Долго плыл по морю-океану Кристиан, пока не приметил вдали маленький островок, который показался ему райским местечком.

«Там, должно быть, очень тихо и спокойно. Никаких криков, никакой суеты… И небо такое чистое, и не слышно взрывов. Нужно как можно быстрее плыть на этот остров!» – подумал Кристиан, и направил свой корабль в сторону острова.

В это время маленькая лодочка Элизабет только начинала свой путь от острова Скуки… К полудню корабль Кристиана и лодочка Элизабет встретились в бескрайнем море.

Встреча едва не закончилась катастрофой. Разбушевавшееся некстати море вырвало из рук Элизабет весла, и она потеряла возможность управлять своей лодочкой. Волны подхватили ее легкое судно и понесли в сторону большого корабля. Когда Кристиан заметил появившееся на пути препятствие, было уже поздно.

Кракх! Лодка отлетела в сторону, Элизабет упала в бескрайнее море и отчаянно закричала.

Кристиан прыгнул в море, и поплыл в сторону тонущей девушки. Вскоре горе-путешественница оказалась спасена.

Сидя в каюте и греясь теплым пледом, Элизабет рассказала о том, как скучно ей жить на своем острове, какие там все старые и страшные, и как она решила отправиться искать счастье на соседний остров, где всегда праздник.

– Праздник! – Кристиан усмехнулся. – Если бы ты знала, как надоел мне такой праздник! Я отправился в путь, чтобы найти местечко, где меня никто не знает. Где всегда тихо и спокойно. Где нет суеты, где можно уединиться, будучи уверенным, что тебя никто не побеспокоит.

– Я понимаю, о чем ты. Тебе хочется гармонии… Но на нашем острове ее нет! Это гиблое место, где дни похожи друг на друга как братья-близнецы, где люди понятия не имеют о том, что такое любовь, красота, истинное счастье. Они живут подобно роботам, без цели, без мечты, без смысла… Остров Скука – этим все сказано. Я больше не могла находиться на этом острове, а ваш остров так манил меня своими фейерверками…

– Фейерверки, карнавалы… все это отвлекает, но, увы, не делает счастливым.

– Значит, ни мой, ни твой остров не даст нам счастья. Нужно искать его в другом месте. Но вот только где? – спросила Элизабет.

– Не знаю… – растерянно ответил Кристиан.

Крепко задумались путешественники. Думали-гадали, где же им теперь искать свое счастье. Так до сих пор и думают.

Оля и Урфин Джюс

Главы из повести «Серебряные башмачки»

Даниил АЛЕКСЕЕВ

Родился в городе Владивостоке. Закончил исторический факультет Дальневосточного государственного университета. Автор романов в жанре фэнтези: «Хроники Пятой Эпохи», «Кольцо Судьбы» и повести «Между Светом и Тьмой», а также ряда рассказов и цикла «Оля в мире сказок». Кандидат политических наук, специалист по истории НТС и издательства «Посев». Автор нескольких монографий. Участник Всероссийского литературного конкурса «Меч без имени» и II всероссийского литературного конкурса «Новая детская книга», проводимого издательством «РОСМЭН». Один из инициаторов создания литературной студии «Весна». Живёт во Владивостоке.

Пещера Гингемы

– Так значит, нам теперь бороться с Урфином Джюсом? – спросила Оля.

– Скорее всего. Кстати, по-моему, Урфин Джюс – самый противоречивый и глубокий персонаж цикла «Волшебник Изумрудного города», – отозвался Книгочей, вновь входя в роль мудрого профессора. – Что мы о нём знаем? Урфин рано осиротел, и, вероятно, у него было тяжёлое детство, наложившее отпечаток на формирование его личности. Уже тогда в нём проявились задатки лидера, а его отличительными чертами были нелюдимость и сварливость. Он редко играл с ребятами, а если вступал в игру, то требовал, чтобы ему подчинялись. Обычно такие игры заканчивались дракой.

Его некому было пожалеть и приласкать, поэтому, подрастая, Джюс становился всё неуживчивее. В то же время, он был, несомненно, талантливым мальчиком, что заметил местный столяр и взял его в ученики. Об отношениях ученика и учителя мало что известно, но они были явно не простыми. Изучив столярное ремесло, Урфин без сожаления покинул своего наставника, даже не поблагодарив за науку. В то же время, их отношения нельзя назвать совсем плохими, поскольку учитель на прощание дал ему инструменты и всё необходимое для начала самостоятельной работы.

Джюс – человек, безусловно, творческий и изобретательный. Он стал искусным столяром и даже в такие безликие предметы как столы и сельскохозяйственные орудия сумел вложить частицу своей души, передав им собственный сварливый и злобный характер. Ещё ярче мрачную картину своего внутреннего мира он воплотил в детских игрушках. Он словно мстил за тяжёлое детство. Неудивительно, что их никто не хотел покупать. Зато когда Урфин исправился, он стал выращивать необычные фрукты и овощи, которые дарили радость людям.

Джюс – яркая индивидуальность и бунтарь по натуре. Ему кажется, что весь мир несправедлив и настроен против него. Он с детства завидовал тем, у кого есть папа и мама, кто живёт на всём готовом, не прилагая к этому особых усилий. И Урфин бросает вызов жестокому и несправедливому миру, своему собственному народу. Он живёт по принципу: «Назло! Поперёк!». Жевуны живут в круглых домиках голубого цвета с остроконечными крышами и хрустальными шариками наверху – он строит четырёхугольный дом коричневого цвета с чучелом орла на крыше. Жевуны одеваются в голубые кафтаны и ботфорты – Джюс демонстративно ходит в одежде зелёного цвета. Жевуны носят остроконечные шляпы с широкими полями и остроконечными бубенчиками – Урфин терпеть не может бубенчиков и ходит в шляпе без полей. Жевуны плачут при всяком случае – в его глазах никто никогда не видел слезинки. Жевуны боятся подходить к пещере Гингемы – Джюс строит свой дом рядом с ней, а потом и добровольно нанимается на службу к злой колдунье. Жевуны получили своё прозвище за то, что их челюсти постоянно двигались, как будто что-то пережёвывая – Урфин с большим трудом отказался от этой привычки.

Первоначально Урфин Джюс, несомненно, отрицательный персонаж. Но его упорство, находчивость, сила воли и целеустремлённость внушают

невольное уважение. Создаётся впечатление, что сам автор попал под обаяние его брутальной харизмы.

В любом диктаторе есть что-то, что привлекает к ним множество последователей. При желании у Урфина можно найти общие черты с известными тиранами. Многие из них сумели подняться к вершинам власти с самых низов, имели различные комплексы, но в то же время и несомненные таланты.

Но Джюс не реальный диктатор, а литературный персонаж. Он стремится стать повелителем Волшебной страны, чтобы преодолеть комплекс неудачника и доказать своё превосходство над презираемыми им сородичами. Однако автор заботливо оберегает его от жестокости, не давая стать кровавым тираном. Джюс никого не казнит и не пытает. Он неоднократно мог бы уничтожить Страшилу и Железного Дровосека, но находит причины, чтобы сохранить им жизнь. Даже захватив власть над Изумрудным городом, странами Жевунов и Мигунов, Урфин не совершил особых злодеяний, а потом и вовсе исправился. В «Жёлтом Тумане» он вновь получает шанс вернуться к власти, но отказывается идти по этому пути, увидев на своей руке каплю крови. Он понимает, что кровь и страдания – неприемлемая цена за возврат власти и, творя зло, нельзя заслужить любовь и уважение людей. Он заслужит их позднее, когда станет простым огородником, и будет дарить людям чудесные плоды, встав на путь добра.

– Я тоже почему-то всегда испытывала к нему симпатию, – призналась Оля.

– Впрочем, нельзя забывать, что сейчас до исправления ему ещё очень далеко, и он может быть очень опасным противником, – предостерёг её Книгочей. – В любом случае нужно сначала провести разведку и узнать у него ли башмачки. Возможно, Джюс тут ни при чём. Хотя лично я думаю, что без него явно не обошлось. Он – правая рука Гингемы и ещё дважды захватит власть в Волшебной стране.

– Да, Урфин – опасный противник. Может быть, всё же позвать на помощь моих друзей?

– Нет, Оля. Эльфы здесь не водятся, гномы есть, но очень маленькие. Так что нельзя их сюда вмешивать. Попробуем справиться своими силами.

– Хорошо, что я надела своё любимое голубое платье. Мама говорит, что оно подходит мне под цвет глаз. В нём я не буду выделяться среди местных жителей, да и рост у меня такой же.

– Ты можешь сойти за жительницу Голубой страны только издалека, – не согласился Книгочей. – У них тут совсем другая мода. Вон Виллина тебя сразу раскусила.

– Ну, тогда для начала нужно забрать серебряные башмачки, которые сделал Дарин, из пещеры Гингемы. Во-первых, травка тут, конечно, мягкая, но убегать гораздо удобнее в обуви. Во-вторых, это подарок от гномов. А в-третьих, Тотошка в любой момент может отнести их Элли.

– Правильно мыслишь. Пещера Гингемы где-то недалеко. Мне кажется, она должна быть там, – Книгочей указал на ближайшую гору.

«Книгочей».
Рисунок Алёны КИСЛИЦЫНОЙ,
г. Петропавловск-Камчатский

Библиотечный оказался прав. Они сразу в этом убедились, когда вышли из-за деревьев и увидели покорёженный домик-фургон рядом с той самой горой. Элли нигде не было видно, вероятно она ещё не пришла в себя. Книгочей и Оля, прячась за кустами и плодовыми деревьями, осторожно обошли Убивающий Домик. Оле даже показалось, что она слышит, как скулит Тотошка. А кто же ещё? Других собак в Волшебной стране не было.

Наши путешественники благополучно добрались до входа в жилище злой колдуньи. Пещера казалась угрюмой, мрачной и сырой.

– Это место не для маленьких девочек. Я схожу за башмачками, а ты жди меня тут, – сказал Книгочей.

– Нет уж! – возмутилась Оля. – Страшновато, конечно, только я потом никогда себе не прощу, что стояла на пороге, но так и не осмелилась заглянуть в это легендарное место.

Библиотечный посмотрел на неё с уважением. Впрочем, он знал, что Оля не испугалась ни Кощея, ни Банды Одноглазых, ни оборотня. Так что Книгочей не стал спорить, и они пошли за башмачками вместе.

В пещере было темно и надымлено. В неясном свете факелов наши герои рассмотрели висящее под потолком чучело огромного крокодила. Филинов видно не было, вероятно уже разлетелись после гибели хозяйки. С потолка свисали связки сушёных мышей. Оля едва не заорала от ужаса, разглядев длинную толстую змею, обвившуюся вокруг столба. Но Книгочей вовремя зажал ей рот рукой.

– У нас тайная миссия, нам нельзя себя выдавать. Берём башмачки и уходим.

К счастью туфельки стояли недалеко от входа. Девочка схватила их и бегом выскочила наружу. С неё достаточно впечатлений, а обуваться лучше там, где нет опасности наступить на змею. Библиотечный выбежал за ней.

Разведка

После жуткой пещеры местность казалась ещё прекрасней. Солнце светило ярко и радостно, зелёная листва, розовые, алые, фиолетовые, жёлтые, белые и голубые цветы радовали глаз. Особенно ярким казалось оперение птиц, а их песни звучали ещё веселей и жизнеутверждающе.

Новые туфельки действительно очень напоминали те, что подарил Дарин. Оля примерила их, и они тоже подошли точь-в-точь.

– Молодец, Дарин! – восхитилась девочка. – Сделанные им башмачки по виду ничуть не хуже волшебных.

– Пошли, у нас совсем нет времени, – поторопил библиотечный.

Дом Урфина Джюса располагался неподалёку от жилища колдуньи. К счастью Жевуны сторонились мест обитания Гингемы и её помощника, так что по дороге Оле и Книгочею никто не встретился.

Четырёхугольная коричневая изба с чучелом орла на крыше была заметна издалека, и её невозможно было с чем-то перепутать. Книгочей открыл калитку, и они вошли во двор, радуясь, что в Волшебной стране нет собак. Девочка и библиотечный прокрались к окну и заглянули в жилище одинокого столяра. Самого Урфина Джюса в доме не было.

С замиранием сердца Оля осматривала знакомое по книгам помещение. Оно было заставлено игрушками, вырезанными умелыми руками Урфина. Оля поразилась мастерству Джюса – все его изделия были словно живые. Вот только морды у них больно злобные, Оля сразу вспомнила про потерю родителей и тяжёлое детство. Добрая девочка жалела этого одинокого и талантливого человека. Тем более что, даже захватив власть над Волшебной страной, он не совершит особых злодеяний, а потом и вовсе исправится. Но об этом им известно из книги, а Урфин, с которым им предстоит столкнуться, ещё даже не начал создавать свою деревянную армию.

Взгляд Оли упал на деревянного клоуна со свирепым лицом и оскаленными острыми зубами. «Эот Линг, – вспомнила она его имя. – С него-то всё и началось». Почти каждый предмет в комнате оживлял воспоминания о прочитанном. Вон на столе стоит чучело попугая с красными, синими и зелёными перьями, которое Урфин оживит, испытывая волшебный порошок. Вот огромные оленьи рога, которые будут за ним гоняться. А шкура, лежащая у порога, – будущий медведь Топотун. Ну а желтоглазый филин, сидящий на высоком шесте, несомненно, сам Гуамоколатокинт, его новый советник. Уж не он ли стащил у меня туфельки?

В этот момент сам Урфин Джюс появился в комнате, неся в руках дрова для печки. Оля сразу узнала его в высоком (по местным меркам, на самом деле он был ненамного выше девочки) темноволосом угрюмом человеке с большим носом и сросшимися бровями. Теперь уже бывший помощник Гингемы был одет в зелёный кафтан и коричневые штаны. Но первым, что бросилось ей в глаза, были серебряные башмачки с золотыми пряжками, довольно нелепо смотревшиеся на его ногах, на которых на всех картинках были зелёные ботфорты с коричневыми отворотами. Оля чуть не прыснула со смеху, но вовремя зажала себе рот.

Урфин сложил дрова у очага и, не снимая заветных башмачков, плюхнулся на кровать.

– Ну что теперь может мне помешать стать повелителем Голубой страны?! Я – законный наследник Гингемы, на мне её башмачки и со мной её филин!

– Ещё бы тебе научиться есть лягушек и пиявок, – заметил Гуамоколатокинт.

– Зачем мне есть эту гадость? – скривился Джюс. – У меня и так нет конкурентов.

– А Прем Кокус?

– Да кто такой этот жалкий старикашка по сравнению со мной, владельцем серебряных башмачков?!

– Прем Кокус – самый уважаемый из старейшин Жевунов, он знатного рода и богаче всех в Голубой стране. А ты, пока не научишься есть мышей и пиявок, никогда не станешь настоящим злым волшебником.

– Тьфу, опять ты со своими пиявками! Не желаю ничего о них слушать! Лучше посплю немного. А когда проснусь, Виллина уже уберётся восвояси, ей нельзя надолго покидать Жёлтую страну, и я заявлю о своих правах.

Урфин скинул заветные башмачки, отвернулся к стенке и заснул. Обиженный филин тоже закрыл глаза.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **один** раз.
2. Отдельные произведения набираются на компьютере или печатаются на печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: полное имя автора (без отчества), его фамилия и наименование населённого пункта, в котором автор проживает (в произведениях, присланных в электронном виде, авторские данные указываются **один** раз). Отдельным документом прилагается биографическая справка.
4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
5. Текстовые файлы принимаются в формате **WORD**. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**).
6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Ко́стылева.

Материалы, не соответствующие требованиям, а также рукописные работы, ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2013 ГОД

(осуществляется круглый год)

	полгода	год
«Литературный меридиан»	370 руб.	570 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Ко́стылева Владимира Александровича** по адресу для корреспонденции:

692342, Россия, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан».

Ежемесячник высылается почтой по указанному подписчиком адресу. Дополнительных затрат подписавшийся **не несёт**.

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

16+

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС 77–33178 от 18 сентября 2008 г.
Учредитель: В.А. Костылев
Объём издания – 10 печатных листов.
Тираж 500 экз. (включая электронную версию)
Цена свободная.
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 июня 2013 г. в 17-00.
Адрес издателя и редакции:
г. Арсеньев, ул. Островского, 8/1-20.
Отпечатано в ЗАО «Полицентр»:
г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.
Дата выхода номера в свет – 24 июня.

АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ:
Россия, Приморский край, 692342, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан»,
Ко́стылеву Владимиру Александровичу.
Тел. (+7) **914–666–1–999** (**МТС**); (+7) **924–336–21–27** (**Мегафон**) (с 01.00 до 15.00 по Москве)
E–mail: **Lm-red@mail.ru** **Наш сайт**: www.Litmeridian.ru
Номер счёта в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ, ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТОВ, А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ, И ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ.

Редакция «Литературного меридиана» проводит курс на расширение творческих связей с литературными изданиями России и Зарубежья: **«Сихотэ-Алинь»** (г. Владивосток), **«Огни Кузбасса»** (г. Кемерово), **«Провинция»** (г. Петропавловск, Казахстан), интернет-журналом **«Молоко»**.

Нежность. Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, г. Владивосток.

Внимание! Подписка продолжается!

Стоимость полугодовой подписки составляет 370 рублей, годовой – 570 рублей. Указанная сумма отправляется почтовым переводом по адресу для корреспонденции:

692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16,
редакция журнала «Литературный меридиан»,
Костылеву Владимиру Александровичу

Справки по E-mail: Lm-red@mail.ru
или по телефону: 8-914-666-1-999

Вид с сопки Паршивая (окрестности с. Бреевка). Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, г. Владивосток.